

ДЕЙДРА

Книга I

АРДЕН ВЕЙЛ

Арден Вейл
Мир Дейдры

«Автор»

2026

Вейл А.

Мир Дейдры / А. Вейл — «Автор», 2026

Три минуты сорок две секунды — ровно столько море отсутствовало, показав миру то, чему не полагалось существовать: чёрные улицы под водой, гигантские статуи, врата с абсолютной тьмой внутри. А потом просто вернулось, будто ничего не было. Восемь лет спустя Клайдис — шпион с холодной головой и тёмным прошлым — меньше всего на свете хочет официальную лицензию исследователя. Реестр, имя, досье — всё, от чего он годами прятался. Но новый закон не оставляет выбора. Экзамены Академии Исследования Дейдры проверяют не силу, а то, каким человек становится под давлением. На одном из них он встречается Леона — аристократа с улыбкой идиота и удачей, которая не должна быть настолько невозможной. А потом на древнем знаке, вырезанном в камне, Клайдис вдруг ловит чувство, которому нет причины существовать: он точно знает, что видел этот символ раньше. Вот только не помнит — где.

© Вейл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	41
Глава 8	44
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Арден Вейл

Мир Дейдры

Глава 1

Море, которого не должно быть

Море исчезло на три минуты и сорок две секунды.

Не отступило в привычном, ленивом отливе, обнажая илистые отмели и ракушечник под палящим солнцем. Оно именно исчезло. Сначала водная гладь вздрогнула по всему горизонту, словно испугавшись чего-то, что пробудилось в её солёной черноте. Люди на побережье Рейвенхольма сначала решили, что это очередной каприз погоды – в последние годы странностей хватало с избытком, и мало кто уже удивлялся, когда океан за сутки менял цвет на свинцово-зелёный, а прибрежные течения вдруг разворачивались вопреки ураганному ветру.

Но затем вода начала уходить. Медленно. Потом быстрее. Ещё быстрее. Линия прибоя стремительно отступала от берега, оставляя за собой влажный песок, водоросли и бьющихся в панике рыб. Лодки и шхуны, ещё секунду назад мерно покачивавшиеся на волнах, с отвратительным, скрежещущим звуком рухнули килями на обнажившееся морское дно. Кто-то на берегу закричал. Кто-то бросился бежать вглубь суши, словно спасаясь от цунами наоборот. А кто-то остался стоять, вцепившись пальцами в ограждения набережной, не в силах оторвать взгляд от открывающегося зрелища.

Потому что под толщей воды показался камень. Не коралловый риф, не хаотичная россыпь подводных скал. Идеально ровная каменная плита, покрытая сложнейшей резьбой, которая уходила куда-то в бесконечную даль морского ложа. Рядом поднялась вторая. Третья. Четвёртая. Вода продолжала обнажать дно, и люди с ужасом осознавали: они смотрят вовсе не на геологическое образование. Они смотрят на улицы.

Древние чёрные плиты одна за другой освобождались от пены. Между ними пролегли глубокие прямоугольные канавы, по краям которых выстроились ряды разрушенных, но оттого не менее величественных статуй. Сначала из воды показалась огромная корона одной из них, затем угловатые плечи и всё массивное тело. Исполин возвышался над берегом так, будто с лёгкостью мог бы заглянуть в окна верхних этажей прибрежных кварталов. У него было четыре мощные руки, за спиной угадывались следы тяжёлого плаща, а вместо лица зияла гладкая, лишённая всяких черт каменная поверхность. На груди чудилась выбитая эмблема – идеальный круг, перечёркнутый вертикальной линией.

Вода отступала всё дальше, открывая человеческому взору то, чему не полагалось существовать. Город. Не полуразрушенные руины древности, занесённые илом, а полноценный, сохранивший свою жутковатую целостность мегаполис. Широкие чёрные проспекты пересекали огромные площади, по сторонам возвышались здания со строгими геометрическими формами. Колонны были настолько массивными, что любой земной собор рядом с ними показался бы детской поделкой. А башни... Некоторые из них уходили вверх на сотни метров, теряясь в низких свинцовых облаках. И на их стенах внезапно начали вспыхивать огни. Холодный, ярко-голубой свет – один, второй, третий, а затем сотни точек, словно невидимый мастер включил рубильник в мёртвом, заброшенном тысячелетия назад мире.

Толпа на берегу безмолвствовала. Даже маленькие дети перестали плакать, прижавшись к матерям. Разум отказывался обрабатывать увиденное: масштабы этого города превышали всё, к чему привыкли поколения людей.

А в самом центре мегаполиса, там, где сходились главные проспекты, поднимались гигантские врата. Два исполинских базальтовых столба. Между ними не было ни створок, ни

защитной стены. Только абсолютная, звенящая темнота. Такая глубокая и плотная, что казалось, в ней не отражается свет. Стоило всмотреться в эту пустоту, как в сознании каждого зрителя рождался посторонний звук. Кто-то отчётливо услышал голос матери, умершей много лет назад. Кто-то – собственное имя, произнесённое чужим шёпотом. А старый рыбак с третьей линии до конца своих дней клялся, что из темноты его звал он сам – но только из будущего.

И над этим всеобщим оцепенением пронёсся единый гул, эхом отозвавшийся в груди каждого жителя побережья, сложившись в одно-единственное, полное жуткого предвкушения слово:

– Возвращение.

А затем море вернулось. Без предупреждения, без привычного нарастающего вала. Стена воды рухнула обратно с сокрушительной, первобытной яростью, за доли секунды поглотив чёрные улицы, гигантские статуи и светящиеся башни. Последними скрылись ворота, и на самое мгновение перед тем, как водная стихия окончательно сомкнулась над бездной, кому-то на самом краю пирса показалось, что внутри чёрной пустоты между столбами стояла высокая человеческая фигура. Человек моргнул – и не осталось ничего, кроме бушующих пенных бурнов. Через полминуты океан выглядел так, будто ничего не произошло. Но мир уже навсегда переломился пополам.

Прошло восемь лет.

За эти годы человечество выработало циничный иммунитет к чудесам и ужасам. Главным правилом нового времени стало простое понимание: лучше не задавать слишком много вопросов океану, который начал регулярно выплёвывать на поверхность новые земли. Острова возникали и исчезали по всему миру. Одни держались годами, другие таяли за считанные часы; одни таили груды золота и древние алтари, другие – смертоносные аномалии, способные стереть из памяти человека саму его личность.

В этой лихорадочной реальности расцвела Академия Исследования Дейдры (АИД) – гибрид научного института, наёмничьего синдиката и бюрократического монстра, управляющего хаосом новых открытий.

Рейвенхольм, один из главных портовых бастионов материка, встретил Клайдиса промозглым, настырным дождём. Мелкая водяная взвесь висела в воздухе, оседая на тёмном пальто и заставляя прохожих кутаться в плащи. Улицы кипели жизнью: здесь спешили по своим делам люди, низкорослые и кряжистые дварфы, остроухие выходцы с восточных архипелагов, молчаливые зверолоуды с хищным прищуром и худощавые представители лунной расы, чья бледная кожа казалась почти прозрачной под капюшонами.

Клайдис никогда не придавал значения расовым различиям. В каждом народе хватало идиотов, в каждом находились гении, и в каждом – те, кому категорически нельзя доверять оружие. Он шёл размеренным, широким шагом, не обращая внимания на лужи под ногами. Высокий, худощавый, с идеальной осанкой шпиона, привыкшего растворяться в толпе. Чёрные волосы намокли и лезли на лоб, серые глаза с холодным равнодушием сканировали прохожих, выхватывая детали: торговца с фальшивым товаром на углу, двух патрульных АИД у входа в таверну, подозрительного типа в тени арки.

На груди под расстёгнутым воротником пальто тускло блестела серебряная застёжка с эмблемой академии – лишь слабое напоминание о бумагах, которые он предпочитал бы никогда не подписывать. На руках были неизменные тонкие перчатки из мягкой кожи: шрамы и особенности полувампирической природы требовали осторожности.

Проходя мимо витрины старого антиквара, Клайдис на мгновение замедлил шаги. За стеклом среди груды потускневших подносов и ржавых шестерёнок лежал латунный компас. Его стрелка дрожала. Стоило Клайдису остановиться, как стрелка совершила полный оборот и замерла, указывая прямо на него.

Клайдис перевёл взгляд вглубь лавки. Старик-продавец дремал за прилавком, уткнувшись носом в газету. Никакой магии, никаких скрытых механизмов – по крайней мере, видимых. Но стрелка упорно смотрела на грудь Клайдиса, словно компас искал не магнитный полюс, а что-то другое. Клайдис чуть прищурился, мысленно зафиксировал этот странный эпизод, развернулся и продолжил путь. Покупать ненужный хлам он не собирался.

Дверь кабинета главного директора АИД открылась без стука – ровно через две минуты после назначенного времени.

– Ты опоздал, – не поднимая головы от стола, произнесла Келли.

Клайдис молча шагнул внутрь, плотно прикрыв за собой створку. Воздух в кабинете пах старой бумагой, засушенными травами и дорогим чёрным чаем. Сама комната больше напоминала последствия небольшого урагана, в эпицентре которого застрял педантичный архивариус: стопки фолиантов возвышались на креслах, карты свисали с краёв шкафов, а один особо длинный пергамент ухитрился залезть под основание фарфоровой чашки.

– На две минуты, – поправив перчатки, ответил Клайдис.

– Именно, – Келли наконец подняла тёмные глаза. В них не было раздражения – лишь усталое превосходство человека, который за день видел слишком много глупости.

– Ты специально пришла на пять минут раньше, чтобы зафиксировать это, – заметил он, опускаясь на свободный стул.

– Разумеется. Кто-то же должен поддерживать дисциплину в этом змеином гнезде.

Она отложила в сторону отчёт с сургучной печатью, полезла в выдвижной ящик стола и извлекла оттуда небольшой предмет, завернутый в грубую серо-зелёную ткань. Развернув её, Келли положила на центр стола кусок матового чёрного камня размером с ладонь.

Клайдис подался чуть вперёд. По поверхности камня бесшумно скользили тончайшие золотистые линии. Они не просто образовывали узор – они двигались, переплетались, стирались и возникали заново, напоминая сложный алхимический чертёж, живущий собственной жизнью.

– Что это? – тихо спросил Клайдис, чувствуя, как от камня исходит едва уловимый холод.

– Причина, по которой я отвлекла тебя от твоих очаровательных шпионских дел, – Келли сложила руки на коленях. – Нашли четыре дня назад на новом архипелаге. Экспедиция обнаружила в центре необитаемого острова странную вещь: посреди голой поляны стояла обычная деревянная дверь. Без стен, без фундамента, без рам. Просто дверь в никуда.

– И кто-то догадался её открыть? – в голосе Клайдиса прозвучала сухая ирония.

– Разумеется. Самый смелый и наименее умный из полевых исследователей. Он шагнул за порог, пробыл там около двадцати минут, а когда товарищи вытащили его обратно... он забыл собственное имя.

– Потеря памяти? – уточнил Клайдис.

– Хуже. Из его головы стёрлось всё, что делало его личностью. Он помнил, как дышать и как держать меч, но не узнавал ни мать, ни собственное отражение в зеркале. А через шесть часов после инцидента остров просто исчез. Растворился в море, оставив после себя лишь этот камень, найденный на пороге проклятой двери.

Клайдис помолчал, разглядывая золотые змейки, которые на секунду замерли, образуя подобие разомкнутого кольца.

– И какое отношение эта история имеет ко мне? – холодно спросил он.

– Самое прямое. Через неделю вступает в силу новый регламент Совета. Каждый сотрудник АИД, чья деятельность связана с вылазками, анализом аномалий или сбором артефактов, обязан получить официальную лицензию исследователя.

Лицо Клайдиса осталось непроницаемым, но внутри всё неприятно сжалось. Официальный документ. Реестр. Имя, возраст, подтверждённое происхождение полувампира, досье на

шпионскую работу, список способностей. Для обычного авантюриста это пропуск к богатству; для человека, чьё прошлое и сама природа были завязаны на выживание в тени – смертный приговор.

– Нет, – чётко произнёс Клайдис.

– Я ещё не закончила.

– Я знаю твой ответ заранее. Мне не нужна лицензия. Я не собираюсь становиться официальным исследователем.

– Именно поэтому, – Келли позволила себе лёгкую, почти хищную улыбку, – прямо сейчас ты отправишься на экзаменационную площадку. И сдашь его. Без вариантов, Клайдис.

Клайдис тяжело вздохнул, закрыв глаза. Документы можно сжигать, подделывать или красть, но след, оставленный в реестре АИД, тянулся слишком далеко. Он ненавидел бюрократию всей душой.

– Ненавижу тебя, – тихо бросил он, поднимаясь со стула.

– Взаимно, мой дорогой шпион, – отпив остывший чай, ответила Келли. – Экзаменаторы уже ждут. И постарайся не убить первого же встречного – нам ещё бумагой мारать отчёты.

Глава 2

Первый экзамен

Клайдис ненавидел ждать. Не из нетерпения: в его ремесле умение замереть в сырой тени амбара или под ливнем на портовых доках решало, доживёшь ли ты до рассвета. Ненавидел он другое: ожидание по чужой команде. Внутри стен АИД любая пауза превращала его из охотника в строчку в чьей-то учётной книге: имя, час явки, номер комнаты. Он предпочитал двигаться. Движущийся человек выбирает маршрут, меняет лица, растворяется в толпе. Стоящий на месте становится частью чужого плана, а Клайдис терпеть не мог быть частью чужого плана.

Поэтому, когда усталый клерк сунул ему жестяной жетон с цифрой «7» и велел спуститься вниз и ждать вызова, ждать он не стал. Он просто пошёл по длинному каменному коридору из административного крыла к подвалам, лишь бы не стоять на месте.

Здесь было заметно тише. Шум улицы остался наверху, и вместо голосов сотрудников слышался только мерный, глухой гул старых механизмов в толще стен. Верхние этажи АИД были отделаны светлым камнем, украшены гербами, картами архипелагов и бронзовыми табличками с именами великих исследователей. Внизу камень оставался голым и тёмным, под сводами тянулись тяжёлые металлические балки, а лампы горели редко, и каждая светила чуть слабее предыдущей, словно кто-то экономил на людях, которым здесь предстояло проходить испытание.

Клайдис машинально провёл взглядом по углам. Два выхода, один закрыт. Три амулета наблюдения. Дежурный у лестницы. Запасной проход за ржавой решёткой. Всё это он запомнил за пару секунд: профессиональная привычка, впитанная с кровью.

Ответвления коридора он тоже заметил. В конце каждого была низкая железная дверь с выбитым номером. У третьей ждали двое кандидатов: зверолодка с забинтованными ладонями и коренастый парень, обкусывавший ногти до мяса. У пятой стоял одинокий эльф с мечом за спиной и проводил Клайдиса вежливым, оценивающим взглядом. Разные двери, разные номера, скорее всего, разные экзаменаторы. АИД не давала кандидатам ни сравнивать опыт, ни готовиться заранее. Клайдису эта предусмотрительность даже понравилась, самую малость.

– Если ты ещё раз посмотришь на потолок, он начнёт нервничать.

Клайдис остановился. Голос доносился снизу: мужской, молодой, весёлый и совершенно неуместный в этом мрачном подземелье.

Он спустился ещё на несколько ступеней. На площадке перед массивной металлической дверью с цифрой «7» стоял парень.

Первое впечатление было безошибочным: серьёзный аристократ. Высокий, стройный, светловолосый, с мягкой волной кудрей, падавших на воротник. Осанка человека, которого с детства приучали держать спину. Длинное чёрное пальто с тонкой золотистой отделкой по краям сидело как влитое; под ним виднелись тёмный жилет и белая рубашка с небрежно растёгнутым воротом, а на пальце тускло поблёскивало тяжёлое кольцо. Так выглядят молодые люди, которых принимают в лучших домах верхнего города и которых Клайдис за годы работы научился недолюбливать.

Впечатление продержалось ровно до тех пор, пока парень не улыбнулся: широко, во весь рот, совсем не по-аристократически. Лицо у него оказалось открытым. Слишком открытым. Обычно за такой открытостью скрывалось либо искусно спрятанное желание что-то получить, либо полное отсутствие инстинкта самосохранения.

– Ты Клайдис? – спросил парень.

– Нет, – отрезал Клайдис, не замедляя шага.

Парень моргнул.

– А...?

Клайдис прошёл мимо.

– Подожди.

Он остановился и обернулся.

– Что?

– Ты Клайдис?

– Только что я был другим человеком.

Несколько секунд парень переваривал ответ, потом расхохотался, громко и искренне.

– Хорошо! Уже нравится.

Клайдис молча и холодно смотрел на него.

– Леон, – представился парень и с готовностью протянул руку.

Клайдис посмотрел на ладонь. Потом на лицо. Потом снова на ладонь.

– Я вижу.

– Что?

– Что ты Леон.

– А, точно. – Леон смущённо убрал руку. – Значит, знакомиться будем потом.

– Мы уже познакомились.

– Быстро.

– Эффективно.

– А ты зануда.

Клайдис не ответил. Леон повернулся к двери.

– Значит, мы оба сдаём экзамен?

– Похоже.

– Ты знаешь, что там будет?

– Нет.

– Я тоже. – Леон задумчиво почесал затылок. – Отлично.

– Почему?

– Если бы ты знал, мне пришлось бы тебя подозревать.

Клайдис чуть прищурился, взвешивая каждое слово.

– А сейчас?

– Сейчас я подозреваю всех.

Улыбка Леона не дрогнула, но Клайдис заметил деталь, которая с ней не вязалась. Пока язык парня трудился над чепухой, взгляд жил отдельной жизнью: лампа, цепь под потолком, ступени, расстояние до двери. Не хаотично и не от страха. Так смотрит человек, привыкший запоминать помещения и оценивать выходы.

Клайдис молча взял это на заметку и ничего не сказал.

В эту секунду Леон шагнул назад и наступил на собственный развязавшийся шнурок.

– Ой.

Он покачнулся. Клайдис едва заметно напрягся, ожидая банального падения. Но дальнейшее не подчинялось никакой обычной физике: Леон ухватился рукой за выступ стены, крутанулся вокруг него, потерял равновесие во второй раз и плечом задел деревянную стойку у стены.

Стойка качнулась. С неё сорвался тяжёлый металлический подсвечник, пролетел в нескольких сантиметрах от головы Клайдиса и грянул о плиты так, что гул покатился по коридору и затих где-то за поворотом.

Наступила звонкая тишина. Леон посмотрел на подсвечник. Потом на Клайдиса.

– Видишь?

– Что?

– Я очень ловкий.

Клайдис опустил взгляд на шнурок.

- Несомненно.
- Спасибо.
- Это не комплимент.
- Я всё равно приму.

Клайдис прикинул расстояние до лестницы и всерьёз подумал, что развернуться и уйти сейчас было бы самым разумным решением за весь день. Он вспомнил о кабинете Келли, о реестре и остался.

На миг, без всякой причины, он попытался вспомнить лицо матери. Голос вспоминался легко: тёплый, чуть насмешливый. Руки – тоже. А лицо всякий раз ускользало, как отражение в дрожащей воде: он знал, что оно было, и не мог собрать его из частей. Он давно перестал удивляться этому и просто отложил мысль туда же, куда откладывал всё остальное неудобное.

Дверь открылась сама, без скрипа и предупреждения. За ней лежал огромный зал.

Клайдис переступил порог и сразу понял: строили его не для теоретических тестов. Это была колоссальная тренировочная площадка, старый каменный двор, накрытый высоким куполом. Вдоль стен громоздились деревянные и каменные конструкции, имитирующие остатки разрушенных зданий. Между ними тянулись узкие улицы, кое-где виднелись лестницы на второй уровень. Небольшой заброшенный город под землёй.

Слишком хорошо сделанный. Камни под ногами были настоящими, стены настоящими, а запах – сырость, пыль, старое дерево и тяжёлый металлический привкус – тем более. Привкус запёкшейся крови.

В центре площадки стоял человек.

Широкоплечий, высокий, с короткими тёмными волосами. Лицо пересекали несколько старых шрамов, один шёл от правой брови к скуле. Брони на нём не было, только тёмная одежда, усиленная кожей на локтях и плечах. На поясе висел меч. Обычный на вид. Слишком обычный.

Он стоял совершенно неподвижно, и Клайдис сразу понял, что перед ним смертельно опасный человек. Не потому, что от него исходила подавляющая сила. Наоборот, от него не исходило почти ничего, и это настораживало сильнее всего. Сильные люди часто не умеют скрывать своё присутствие. Этот умел безупречно.

– Экзаменаторы любят драматичные входы, – шепнул Леон.

Человек услышал.

– А кандидаты любят много говорить.

Леон просиял:

– Значит, мы найдём общий язык.

Мужчина посмотрел на него долго и без единой эмоции.

– Неро Валькрейн, – он шагнул вперёд. – Старший полевой экзаменатор АИД.

Клайдис слегка склонил голову.

– Клайдис.

– Знаю. – Неро перевёл взгляд на его спутника. – Леон.

– А меня вы тоже знаете?

– Я умею читать список кандидатов.

– А я уж решил, что у вас сверхъестественная способность.

На лице Неро мелькнула тень улыбки и тут же исчезла.

– Возможно, есть.

Леон задумчиво подпёр подбородок.

– Тогда я хочу её скопировать.

Клайдис покосился на него. Скопировать? Фраза могла быть глупой шуткой. Но Клайдис запомнил её. Неро, судя по короткому взгляду, тоже.

– Экзамен состоит из нескольких этапов, – сказал Неро. – Первый проверяет простую вещь.

Он вынул меч. Клинок вышел из ножен без единого звука.

– Насколько вы полезны, когда всё идёт не по плану.

Леон поднял руку.

– А если у меня вообще нет плана?

– Тогда проверим, насколько ты полезен без него.

– Звучит как моя специализация.

Клайдис повернулся к нему.

– Ты всегда такой?

– Какой?

– Раздражающий.

– Не знаю. Обычно мне говорят, что обаятельный.

– Кто?

– Я.

Клайдис молча отвернулся. Неро провёл большим пальцем по гарде.

– Ваша задача – пройти через этот район. В дальнем конце стоит башня. На верхнем этаже лежит металлический жетон.

– И всё? – спросил Леон.

– Нет. – Уголок рта Неро едва заметно приподнялся. – Я буду пытаться вам помешать.

Леон посмотрел на меч, потом на Неро, потом на Клайдиса.

– А убивать можно?

– Меня?

– Ну...

– Нет.

– Жаль.

– А друг друга?

Клайдис медленно повернул голову. Леон рассмеялся:

– Шучу!

– Надеюсь.

– Я тоже.

Неро опустил меч.

– Правила простые. Запрещено покидать площадку. Запрещено намеренно убивать другого кандидата. Всё остальное разрешено.

– Всё? – нахмурился Клайдис.

– Всё. Оружие, магия, способности. Для этого вы сюда и пришли.

В зале стало тихо. Под рёбрами шевельнулся знакомый холодок, короткая смутная вспышка грядущего боя, и тут же растаял. Клайдис задержал взгляд на Неро: поза, центр тяжести, постановка стоп. Настоящий мастер. Он не готовился к бою. Он уже был в нём.

– Начинаем через десять секунд, – сказал Неро.

Леон размял плечо.

– Кстати, Клайдис. Если мы выживем...

– Мы выживем, – отрезал Клайдис. – Я не люблю проигрывать.

– А я не люблю умирать.

– Три, – сказал Неро.

И Леон вдруг перестал улыбаться. Всего на мгновение, но так резко, что это могло показаться ошибкой зрения. Дурашливость исчезла, глаза стали холодными и расчётливыми: он оценил Неро так, будто перед ним стоял противник, которого необходимо устранить.

Клайдис нахмурился. Неро тоже это заметил.

– Один.

Леон снова расплылся в улыбке:

– Поехали!

Неро исчез.

Не буквально: просто его рывок оказался настолько быстрым, что первый шаг стал последним моментом, когда Клайдис чётко видел экзаменатора перед собой.

Холод под рёбрами, вспышка: сталь, слева, снизу. Клайдис ушёл на полшага, и клинок прошёл в ладони от груди, взрезав воздух с тонким свистом. Он развернулся на пятке, скользнул в сторону и мгновенно сгруппировался. Быстрее, чем ожидал.

Но Неро уже сменил цель.

– Эй!

Леон рванулся назад, зацепился ногой за выступающий камень мостовой и полетел вперёд. Клайдис успел подумать, что сейчас парень получит смертельный или калечащий удар по спине. Однако Леон прогнулся в падении так, будто нарочно рассчитал угол, и рухнул ровно в тот момент, когда меч Неро со свистом пронёсся над его головой.

Он прокатился по земле, ловко вскочил и тут же получил деревянной доской прямо в лицо.

– Твою мать!

Доска сорвалась со стены разрушенного декоративного здания от касательного удара Неро. Леон опрокинулся обратно на камни.

Клайдис впервые за долгое время не сумел удержать лёгкое удивление.

Неро остановился, опустив клинок.

– Ты цел?

Леон поднял из пыли большой палец.

– Кажется... – Он попробовал встать, взглянул под ноги и озадаченно замер. – О.

– Что? – спросил Неро.

– Кажется, я стою на ноже.

Клайдис посмотрел вниз. В нелепой кувыркающейся свалке Леон каким-то образом умудрился выбить короткий нож из ножен на его поясе, и теперь клинок лежал прямо под ботинком парня.

Леон смущённо поднял ногу.

– Извини.

Клайдис молча наклонился и подобрал оружие.

– Я начинаю думать, что ты опаснее Неро.

– Спасибо.

– Это не комплимент.

– Я опять приму.

Неро слегка усмехнулся и атаковал снова.

На этот раз Леон не упал. Он отступил: раз, два, три быстрых шага назад. Меч прошёл в считанных миллиметрах от его плеча. Леон развернулся и попробовал ответить широким ударом кулака, но полностью промахнулся.

Неро едва заметно качнул головой.

– Слишком широко.

Резкий короткий удар рукоятью. Леон успел закрыться предплечьем, но сила удара всё равно отбросила его на несколько метров. Он проскользил по камню и боком врезался в стену.

Клайдис пока не вмешивался. Он наблюдал.

Неро явно не бил в полную силу, и даже сдерживаясь, двигался так точно и выверенно, что Леон едва успевал реагировать. И всё же Клайдис заметил странность. Леон почти не получал чистых ударов, и вовсе не потому, что мастерски уклонялся. Он то спотыкался, то нахло-

нялся не туда, то поворачивался слишком рано. Один раз попытался увернуться, поскользнулся на ровном месте и упал на колени, и именно в тот миг, когда клинок Неро прошёл там, где секунду назад была его шея.

Леон поднял голову, тяжело дыша.

– Удачно.

Неро прищурился. Слишком удачно.

Он атаковал снова, но Леон уже бежал по имитации улиц, и Клайдис рванул следом. Теперь у него появилась ещё одна задача: не просто пройти испытание, а раскусить Неро и понять Леона. Потому что один был слишком хорош, чтобы показывать все карты сразу, а второй слишком удачлив, чтобы считаться просто везучим идиотом.

Они влетели на узкую улицу между двумя тренировочными зданиями. Неро остановился на её краю. Клайдис замер в паре шагов, Леон впереди.

– Ну? – выдохнул парень.

Неро поднял меч.

– Теперь начинается настоящий экзамен.

Из пустых оконных проёмов и с крыш разрушенных домов послышался низкий металлический скрежет. Клайдис медленно поднял голову. На коньке крыши что-то двигалось. Потом ещё одно. И ещё.

Леон перестал улыбаться, и на этот раз всерьёз.

Над искусственным городом прокатился сухой, рычащий гул. Неро чуть опустил клинок.

– Добро пожаловать в первый этап.

Из темноты крыши выпрыгнуло первое существо.

Оно рухнуло на мостовую с тяжёлым гулким ударом, когти выбили из камня снопы искр. Клайдис не двигался и впитывал каждую деталь: лапы, корпус, форму головы, распределение веса. Четыре конечности с неестественно длинными суставами. Кожа чёрная, как смола, в серых костяных наростах. Морда напоминала смесь гиены и насекомого: узкая, без глаз, зато со множеством тонких слуховых щелей по бокам черепа.

Оно ориентировалось не по зрению. Оно слушало звук и дрожь земли.

Клайдис повернул голову. На крышах были ещё трое... нет, пятеро. Движение между дымоходами: шесть.

– Их больше, – сказал он.

Леон стоял рядом плечом к плечу.

– Сколько?

– Шесть.

– А-а. – Леон посмотрел вверх. – Я насчитал три.

– Остальные прячутся в тенях.

– Нет, – Леон ткнул пальцем в сторону крыши. – Я просто плохо считаю.

Клайдис резко повернулся к нему.

– Ты сейчас серьёзно?

– Более чем.

Первая тварь рванула вперёд. Неро плавно шагнул ей навстречу, и его меч поднялся без замаха: короткое, выверенное движение по диагонали.

Когтистая лапа отделилась от тела раньше, чем существо поняло, что произошло. Тёмная кровь брызнула на камни. Вторым движением Неро рассёк твари горло, и тело рухнуло мешком.

Леон присвистнул.

– Красиво.

Второе существо прыгнуло сверху прямо на Неро. Экзаменатор даже не поднял головы: Клайдис лишь заметил, как сместилась его тень. Когти вспороли пустой воздух, Неро сделал

полшага в сторону и нанёс точный удар снизу вверх. Тварь с перебитым хребтом врезалась в стену.

– Хорошо, – бросил Неро.

Клайдис уже двигался сам. Третья тварь прыгнула на него, он ушёл вбок, перехватил мощную лапу за сустав и рванул на себя, заставляя монстра потерять равновесие. Локоть в открытую шею, раз, два. Разворот корпуса, бросок на мостовую.

Монстр оказался прочным. Он тут же попытался подняться и выбросил когтистую лапу к лицу Клайдиса. Тот присел, и нож блеснул между его пальцами. Короткий укол снизу вверх, точно в мягкие ткани под челюстью.

Тварь дёрнулась и затихла. Клайдис привычным движением вытер клинок о её кожу и убрал в скрытые крепления. Всё заняло не больше пяти секунд.

Леон уставился на него.

– А ты, оказывается, тоже умеешь драться.

– Иногда.

– Я думал, ты бухгалтер.

– Почему?

– У тебя лицо человека, который искренне ненавидит цифры.

– Это худшее объяснение, которое я слышал.

– Зато честное.

Сверху раздался злобный рёв оставшихся особей. Они начали спускаться по каменной кладке. Одна из них сорвалась с карниза и глухо рухнула на спину рядом с ними.

Клайдис посмотрел на неё.

– Оно только что само прыгнуло?

– Кажется, да, – Леон подошёл к дёргающейся твари и осторожно потрогал её носком ботинка. – Оно живое.

Существо выбросило лапу и мёртвой хваткой вцепилось в его ботинок.

– А-а!

Леон подпрыгнул, второй ногой зацепился за камень и полетел спиной назад. Клайдис уже дёрнулся вмешаться, но Леон со всего размаху грохнулся прямо на брюхо твари. Раздался оглушительный хруст костей.

Пару секунд Леон лежал неподвижно, потом медленно поднял голову из пыли.

– Я... планировал именно так.

Клайдис перевёл взгляд с раздавленного монстра на Леона.

– Конечно.

– Спасибо за веру.

Неро, стоявший неподалёку, ничего не сказал, но взгляд его стал более внимательным и цепким. Он тоже начинал понимать: обычный человек с такой координацией давно был бы мёртв, а Леон почему-то каждый раз оказывался в той точке, где смертельная опасность превращалась в нелепую случайность.

Последняя тварь выскочила из оконного проёма. Клайдис и Леон сработались без слов: Клайдис отвлёк её финтом, Леон, неловко размахивая руками, сбил её ориентацию, и нож Клайдиса вошёл под челюсть.

На мостовой наступила тишина. Шесть мёртвых существ лежали на камнях.

– Первый этап закончен, – сказал Неро и убрал меч в ножны. Он указал рукой на башню в конце улицы. – Теперь туда.

Леон вздохнул, разглядывая мрачное трёхэтажное строение.

– А вы снова будете нам мешать?

Неро слегка улыбнулся.

– Обязательно.

Башня стояла над фальшивым городом, словно коренастый слепой страж. Стены сложены из тёмного необработанного базальта, узкие бойницы верхних ярусов чернели провалами. Клайдис первым шагнул под свод входа. Внутри пахло сухой пылью, старым деревом и едва уловимым сладковатым запахом растительного яда.

– Стой, – он вытянул руку, останавливая Леона.

– Что там? – Леон замер, едва успев вернуть равновесие.

Клайдис опустился на одно колено и аккуратно смахнул слой пыли с плиты у порога. В свете редких факелов проглянул тонкий металлический волосок, уходивший в щель между камнями.

– Нажимная плита. А над ней три уровня растяжек.

– Ого, – Леон пригнулся, разглядывая прозрачные нити на высоте лодыжек, колен и груди. – Они что, решили сложить сюда весь арсенал АИД?

– Не весь, – раздался спокойный голос Неро из тени за их спинами. Экзаменатор шёл следом, не таясь, и наблюдал за ними с лёгким интересом. – Только то, что научит вас внимательности.

Клайдис не стал тратить слова на споры. Он быстро проследил взглядом траекторию нитей: они вели к скрытым желобам в стенах, где прятались пружинные самострелы.

– Ловушка рассчитана на двоих, – сухо констатировал он. – Заденет нить один, залпы перекроют сектора обоим. Проходить нужно одновременно и в одном ритме.

Дурашливая ухмылка Леона на миг уступила место сосредоточенности.

– Понял. Назови ритм.

– Шаг с левой. Корпус чуть влево, чтобы не задеть верхний контур. На счёт «три».

Они начали движение. Клайдис рассчитывал каждый сантиметр с привычной холодной точностью. Леон честно старался повторять его шаг в шаг, и до середины пути это почти получалось.

На пятом шаге он всё же зацепил плечом верхнюю нить. Тонкий самострел щёлкнул в стене, и короткий болт по касательной чиркнул его по предплечью, оставив рваную полосу через рукав. Леон зашипел, но не остановился и не упал: закончил движение до конца, как учили, и только потом схватился за руку.

– Живой, – буркнул он в ответ на взгляд Клайдиса. – Просто теперь тоже дырявый.

Миновав опасную зону, они оказались на широкой площадке второго яруса. В центре, на высоком каменном постаменте под единственным лучом света, лежал массивный серебряный жетон АИД.

– Вот и награда, – ухмыльнулся Леон, вытирая пот со лба. – Слишком просто.

– Не трогай, – быстро предупредил Клайдис, но Леон уже протянул руку и сомкнул пальцы на металле.

Раздался глухой щелчок.

Плиты под ногами дрогнули и со скрежетом поползли в стороны. Снизу нарастал гул, и в провал с рёвом хлынул мощный поток воды из подземных резервуаров полигона.

– Чёрт! – Леон потерял опору и начал соскальзывать в бурлящую пасть.

Клайдис среагировал мгновенно. Не думая о себе, он выбросил руку, вцепился в плотный воротник пальто Леона и, напрягая все мышцы, рванул его на себя, сдёргивая с накренившейся плиты на узкий устойчивый карниз у стены.

Оба тяжело рухнули на холодный камень, пока внизу бушевала вода.

– Достали... – выдохнул вымокший Леон, стискивая в кулаке серебряный трофей. – Клайдис, спасибо. Твоя реакция – просто нечто.

– Заткнись и вставай, – проворчал Клайдис, отряхивая мокрую одежду.

– Отличная работа, – Неро вышел из тени лестничного пролёта. Он стоял на сухом выступе, держа руки за спиной. – Вы проявили и командную работу, и реакцию. Одно «но».

Он разжал ладонь. На пальцах заманчиво поблёскивал точно такой же серебряный жетон АИД.

Леон озадаченно посмотрел на то, что держал в руке, потом на жетон Неро. В ту же секунду его трофей рассыпался в пальцах влажной глиной и дешёвой фольгой.

– Это не ваш жетон, – спокойно сказал Неро. – Вы прошли физическую ловушку, но не заметили банальную подмену. Главное правило полевого агента: не доверяй очевидному.

Он легко подбросил настоящий жетон, поймал и швырнул на середину каменного пола, прямо между ними.

– А теперь попытайтесь забрать его у меня.

Неро отстегнул ножны и вогнал меч рукоятью в каменную кладку.

– Без оружия, – сухо произнёс он, разминая кисти. – Чистый контакт.

Клайдис и Леон мгновенно разошлись в стороны. Шутки кончились. В воздухе повисло тяжёлое, почти осязаемое напряжение.

Неро рванул первым. В рукопашной у него не осталось и намёка на академичность: чистая, жестокая прикладная техника, доведённая до автоматизма. Первый прямой удар коротким рывком пришёлся Клайдису в солнечное сплетение.

Полувампир принял его на скрещённые предплечья, и кости отозвались глухой болью. Сила экзаменатора была колоссальной. Клайдис попытался скользнуть за спину, но Неро, словно читая траекторию заранее, сбил его подсечкой и тут же развернулся навстречу нападавшему сбоку Леону.

Леон атаковал напролом, бросая тяжёлые серии. Неро мягко уводил каждый удар, перенаправляя инерцию. Короткий локтевой блок, и Леон отлетел назад, врезавшись спиной в колонну.

«Он видит нас насквозь, – подумал Клайдис, утирая прокушенную губу. – Каждый наш шаг для него открытая книга».

Привычный расчёт не работал. Чтобы обмануть такого противника, нужно было выйти за рамки собственной логики.

Клайдис глубоко вдохнул и заставил себя прислушаться к холоду под рёбрами. В глазах вспыхнули короткие хаотичные сполохи, десятки возможных вариантов ближайших трёх секунд. Он перестал планировать и начал двигаться вопреки здравому смыслу: рваные финты, смена высоты стойки, внезапные остановки на полушаге.

Неро впервые нахмурился. Его идеальная защита дала сбой. Когда Клайдис бросил обманный удар снизу, Неро пошёл на привычный блок, но полувампир резко сменил вектор, скользнул у него под рукой и рванулся прямо к жетону на полу.

Пальцы почти коснулись холодного металла...

Над головой раздался оглушительный треск.

Старая балка свода, надломленная ударом Леона о колонну, не выдержала. Каменный блок весом в пару центнеров сорвался с потолка и полетел прямо на Леона, который только начал подниматься на ноги.

У Клайдиса оставалась меньше секунды. Он мог схватить жетон и выполнить задачу. Это гарантировало бы победу.

Но инстинкт оказался сильнее холодного расчёта.

Клайдис бросил жетон и прыгнул в сторону. Всем телом врезавшись в Леона, он сшиб его с ног и вынес из-под падающей глыбы.

Оба кубарем покатались по пыльному камню.

Позади раздался грохот. Глыба врезалась в пол ровно там, где мгновение назад стоял Леон, разлетелась на сотни осколков и взметнула густое облако серой пыли.

Пыль медленно оседала.

Клайдис тяжело дышал, лёжа на камне. На постаменте и на полу жетона больше не было.

Неро Валькрейн стоял в шаге от них и держал серебряный значок в пальцах.

– Ты провалил последнюю фазу, – тихо и строго сказал он, глядя на Клайдиса. – Жетон у меня. Ты поставил чужую жизнь выше цели.

Клайдис поднялся, вытирая кровь с рассечённой брови, и встретил холодный взгляд экзаменатора.

– Я знаю.

Леон сидел на полу, ошарашенно глядя на груды обломков, и переводил взгляд с Клайдиса на Неро.

Неро молчал несколько секунд. В тишине башни слышалось только тяжёлое дыхание кандидатов. Потом экзаменатор едва заметно вздохнул и бросил серебряный жетон прямо в руки Клайдису.

Тот машинально поймал холодный металл.

– Что это?

– В бою ты проиграл, – ответил Неро, разворачиваясь и вытаскивая свой меч из стены. – В экзамене нет. Настоящий агент АИД должен уметь побеждать, но тот, кто ради задачи легко жертвует напарником, со временем станет угрозой для всей организации. Вы оба прошли.

Когда они вышли наружу, на двор АИД уже опустились сумерки. Полигон остался позади, изрезанный, запятнанный и разбитый.

Леон шагал рядом, беззаботно закинув руки за голову, будто не он только что едва не оказался под каменной глыбой.

– Клайдис?

– Что? – проворчал полувампир.

– Мы теперь друзья?

– Нет.

– Товарищи?

– Возможно.

– Союзники?

Клайдис на миг прищурился, глядя на первые звёзды.

– Пока да.

– Мне подходит, – Леон широко улыбнулся.

А далеко позади них, у входа в архивное крыло подземелья, экзаменатор Неро Валькрейн раскрыл официальную папку АИД. Стандартные графы, оценки за физическую подготовку и владение оружием, он пропустил. Напротив имён «Клайдис» и «Леон» он вывел размашистым почерком всего два слова:

«Наблюдать внимательно».

Глава 3

Вечер после баини

Лазарет АИД занимал длинную низкую залу в западном крыле, и пахло там так, как пахнет в любом лазарете любого мира: тёплым воском, спиртом и травяным отваром, в котором утонул какой-нибудь особенно горький корень. Вдоль стен стояли узкие койки с серыми одеялами, между ними висели ширмы на железных кольцах, а под потолком на цепочках покачивались стеклянные шары, внутри которых лениво плавало что-то серебристое и живое.

Клайдис пришёл сюда не по своей воле. Клерк на крыльце, увидев рассечённую бровь и запёкшуюся кровь на воротнике, молча ткнул пальцем в нужную сторону и сделал пометку в списке, а спорить с пометками в списке он давно отучился. Леон, разумеется, увязался следом. Он сообщил, что у него, вероятно, сотрясение, хотя сам не был уверен, потому что не помнил, как оно ощущается.

— Ты не помнишь, как оно ощущается, — уточнил Клайдис. — То есть оно у тебя было.

— То есть его у меня никогда не было, — с достоинством ответил Леон. — Значит, всё в порядке.

Лекарь оказалась женщиной из лунной расы: худая, с почти прозрачной кожей, серебристыми ресницами и тихим голосом, к которому невольно хотелось прислушиваться. Капюшон она откинула на плечи, и Клайдис заметил, что руки у неё холоднее, чем у него самого. Она оценила Леона одним взглядом, повернула его лицо к свету и одобрительно хмыкнула.

— Доска отпечаталась ровно по центру. Красиво.

— Обычно за это доплачивают, — фыркнул Леон, и Клайдис отвернулся, чтобы не смотреть на его довольное лицо.

С Клайдисом лекарь возилась дольше, чем ему хотелось. Она сняла присохшую тряпицу с бровью и замолчала. Под ней вместо раны лежала тонкая розовая линия, уже подёрнутая новой кожей. Разбитая губа зажила ещё раньше, оставив едва заметное пятнышко. Женщина провела пальцем рядом с бровью, не касаясь.

— Быстро.

— Хорошая наследственность.

— Наследственность бывает разной.

Она достала карточку, чернильницу и начала заполнять аккуратными столбцами: имя, возраст, повреждения. Клайдис следил за пером, не поворачивая головы. Дошло до графы «происхождение». Перо зависло. Женщина посмотрела на него, потом на пустую строку.

— Обычно это записывают при лицензировании, — тихо сказала она.

— Тогда не записывайте.

Пауза длилась ровно столько, чтобы стало ясно: она поняла, чем он готов заплатить за эту просьбу.

— Я и не собиралась, — сказала лекарь и перевернула карточку чистой стороной вверх.

На соседней койке сидел эльф, которого Клайдис заметил у пятой двери: тот самый, с мечом за спиной. Меч теперь лежал рядом, а предплечье эльфа было зашито ровными шёлковыми стежками. Держался он так, будто сидел не в лазарете, а на приёме у бургомистра. Леон, уже перебравшийся на соседнюю койку, тут же завёл с ним разговор.

— Вас чем? — спросил он с искренним сочувствием.

— Кнутом, — ответил эльф после паузы, достаточной, чтобы оценить, стоит ли отвечать. — Женщина с кнутом. Двадцать минут в темноте без единой подсказки, откуда прилетит следующий удар. Башен, к слову, не было. Я слышал, что вас гоняли по какому-то городу.

— Нас гоняли по городу с монстрами и башней, — оживился Леон. — И был человек с мечом, который очень старательно нас не убивал.

— Вам повезло меньше, — сказал эльф без тени иронии.

— Почему?

— У нас никто ничего не старался.

Леон подумал.

— Это утешает?

— Нет, — сказал эльф. — Сайрен Ваэль.

— Леон. А это Клайдис, он зануда, но полезный.

Клайдис посмотрел на Сайрена. Сайрен посмотрел на Клайдиса. Между ними установилось молчаливое взаимопонимание двух людей, которые не хотят, чтобы Леон говорил дальше.

Из-за ширмы вышел давешний клерк с бумагой в руках. Он зачитал её мерным, привычным голосом, каким читают объявления, к которым не ждут вопросов: кандидаты, оставшиеся в испытаниях, свободны до утра. Второй экзамен начнётся в восемь тридцать, в старой части здания. Форма одежды удобная, ужин до девяти. Выбывшие проходят в канцелярию за расчётом.

— Кто у нас второй экзаменатор? — спросил Леон.

— Мира Эстель.

— Она страшная?

Клерк на секунду задумался, и это выглядело красноречивее любого ответа.

— Она справедливая, — сказал он и вышел.

Клайдис не пошёл на ужин. Он вышел через главные ворота, минуя патруль АИД с таким видом, будто гулял, а не покидал территорию академии, и оказался на улице.

Рейвенхольм принял его тем же мелким настырным дождём, что и утром. Фонари оставляли на мокрой брусчатке жёлтые лужи света. Пахло дёгтем, рыбой и мокрым камнем; из ближайшей таверны доносился нестройный хор голосов, поющих песню, слов которой никто не помнил, а мотив помнили все. У входа мальчишка-газетчик охрип, выкрикивая вечерний выпуск за мелочь дэр, а рядом торговка рыбой сбавляла цену на последнюю треску, не найдя охотника платить целый дефен за такую мелкую.

Он не выбирал маршрут. Ноги привели его сами, на ту самую улицу, где утром, по пути в АИД, он замедлил шаг у витрины старого антиквара.

Лавка была закрыта. Ставни опущены, над дверью погашен фонарь, за стеклом витрины среди груды потускневших подносов и ржавых шестерёнок по-прежнему лежал латунный компас. Клайдис остановился на том же месте, что и утром. Стрелка дрогнула, совершила полный оборот и замерла.

Она смотрела ему в грудь.

Ни магии, ни видимых механизмов. Он постоял, засунув руки в карманы. Потом поднял глаза выше и понял, что в лавке кто-то есть. За стеклом, в глубине, у прилавка сидел старик, закутанный в одеяло, с потухшей трубкой в зубах. Глаза его были открыты. Он вовсе не спал: он смотрел прямо на Клайдиса.

Замок щёлкнул. Дверь приоткрылась ровно на ширину ладони.

— Не продаётся, — сказал старик.

— Я не просил.

— Просили. Дважды стояли под окном. — Он вынул трубку изо рта, посмотрел на неё и сунул обратно. — Сколько она у меня лежит, ни разу не показала на север. А на вас показала сразу. Дважды.

— Что она ищет?

— Если бы я знал, — старик пожал плечами под одеялом, — вы бы уже её купили.

— Я не куплю.

— Знаю.

Дверь закрылась. Замок щёлкнул. Клайдис ещё несколько секунд смотрел на стрелку, послушно упершуюся в его грудь, а потом повернулся и пошёл обратно, к воротам АИД, не оглядываясь. Стрелка не отпускала его, пока он не свернул за угол.

Комната оказалась небольшой: кровать, стол, стул, узкое окно и шкаф. Ничего лишнего. Клайдис снял пальто и аккуратно повесил его на спинку стула. Перчатки он снимать не стал: даже здесь, за закрытой дверью, он не расставался с ними. Затем по очереди положил на стол первый нож, второй, третий и проверил каждый: протёр лезвие, осмотрел крепления и рукоять. Обычная процедура.

Когда всё было готово, он несколько секунд просто стоял посреди комнаты. Мог лечь, но не лёг. Вместо этого подошёл к окну. На улице совсем стемнело, город зажёг огни. После башни всё вокруг казалось странно спокойным, слишком спокойным. Клайдис провёл пальцами по холодному стеклу, и перед глазами на мгновение мелькнула короткая вспышка: камень, лезвие, кровь. Он моргнул, и видение исчезло.

— Не сейчас, — тихо бросил он себе под нос и отошёл от окна. Сегодня он не собирался разбираться со своей способностью, анализировать Неро или думать о Леоне. По крайней мере, таков был план.

Клайдис лёг на кровать и уставился в потолок. Мысли, как назло, возвращались вовсе не к Неро и не к Леону, а к кабинету Келли.

Он согласился слишком быстро. Даже сейчас это злило сильнее, чем сам экзамен. Он не хотел его проходить: не хотел с той секунды, как услышал слово «лицензия». Реестр, печати, собственное имя в списках АИД, всё то, от чего он годами держался подальше. И всё же он не стал спорить. С Келли это было бесполезно: она знала его доводы наперёд, а если бы не знала, просто дождалась бы, пока он выдохнется.

Уйти он мог. Встать, хлопнуть дверью и исчезнуть из Рейвенхольма так, чтобы никто и никогда не нашёл его следов. Он делал так раньше и сделал бы снова, если бы дело касалось только его самого.

Но не только.

Работа в АИД давала ему то, чего не мог дать больше никто: доступ к закрытым архивам, право задавать вопросы и не вызывать подозрений. Другой дороги к матери у него не было. Она просто однажды исчезла, без записки, без свидетелей, без единого объяснения. Слишком чисто, думал Клайдис не в первый раз. Люди не пропадают настолько бесследно. Отца он не знал вовсе: мать никогда не называла его имени, а он давно перестал спрашивать.

Значит, придётся терпеть и бумаги, и экзамены, и всё остальное. Если единственная цена за то, чтобы однажды найти её, лицензия с его именем в реестре, он заплатит. Скрипя зубами, но заплатит.

Глава 4

Второй экзамен

Ночью он проснулся один раз, без видимой причины. В комнате стояла тишина, лунный свет ровной полосой лежал на полу. Клайдис посмотрел на часы — три часа ночи. Он сел на кровати, несколько секунд прислушивался, ничего не услышал и снова лёг, заснув уже через минуту.

У Леона ночь прошла иначе. Спать сразу он не собирался. Сначала он решил осмотреть академию, потом нашёл внутренний двор, затем обнаружил лавку с едой, выяснил, что в АИД есть библиотека, случайно оказался на третьем этаже и в итоге понял, что совершенно не знает, как оттуда выйти. Через два часа таких скитаний Леон сидел на подоконнике в незнакомом коридоре и ел яблоко.

Мимо проходила сотрудница академии. Она остановилась:

— Вы не потерялись?

Леон задумался:

— Уже да.

Женщина указала рукой в сторону лестницы:

— Вам туда.

— Спасибо, — он слез с подоконника, сделал несколько шагов, остановился и добавил:

— А если мне туда не надо?

— Тогда вам не туда.

— Понятно.

Леон пошёл в другую сторону, а через десять минут снова вернулся к ней:

— Я всё-таки потерялся.

На следующий день Клайдис проснулся ещё до рассвета. Он не любил просыпаться по будильнику, потому что будильник означал, будто решение о начале дня уже принял кто-то другой. Комната оставалась погруженной в серый полумрак, а за окном по крышам академии медленно полз туман.

Первое, что он почувствовал, — отсутствие боли: рассечённая бровь затянулась, предплечья почти не ныли. Клайдис сел, бросил взгляд на лежащее на столе оружие и на часы — до второго экзамена оставалось чуть больше часа. Перед выходом он на несколько секунд задержался у зеркала, глядя на своё отражение. Вчера он сражался, а сегодня, судя по всему, предстояло что-то совсем другое. Клайдис не знал что именно, и это ему даже нравилось. Немного.

В это же время Леон проснулся от громкого стука в дверь:

— Подъём!

Он открыл один глаз, когда стук повторился:

— Кандидат Леон!

— Я не дома... — пробормотал он в подушку.

— Вы опоздаете!

Леон сел, окинул взглядом дверь, окно и снова дверь:

— А который час?

— Семь тридцать!

Леон замер:

— А экзамен?

— В восемь тридцать.

— Тогда я не опаздываю.

За дверью повисла долгая пауза:

— Всё равно вставайте.

— Уже, — Леон снова лёг.

Через три секунды дверь распахнулась. Сотрудник АИД посмотрел на него сверху вниз, а Леон ответил ему спокойным взглядом:

— Я же сказал, что встаю.

— Вы лежите.

— Это подготовительная стадия.

Сотрудник помолчал пару секунд, оценивая степень абсурда:

— У вас десять минут.

Дверь закрылась, а Леон сел на постели:

— Жёсткая академия.

Через девять минут он уже нёсся по коридору, на ходу застёгивая пальто.

Кандидатов собрали в совершенно другом крыле АИД — не в тренировочном зале, не на арене и не в аудитории. Клайдис отметил это сразу.

Их привели к старой части здания, которой он раньше не видел. Камень здесь был значительно темнее от времени, на стенах не было ни гербов академии, ни карт, ни имён великих исследователей — только странные символы. Одни напоминали буквы, другие — сложные схемы, третьи вообще не имели понятной формы. Позади кто-то вполголоса спрашивал соседа, доставался ли тому вчера тот же экзаменатор с мечом, и получил в ответ лишь недоуменное «какой ещё меч?» — судя по всему, вчерашние группы гоняли по разным испытательным площадкам и разные экзаменаторы. Кандидаты постепенно замолчали, даже Леон, и Клайдис сразу понял: неловко здесь было не только ему.

В конце коридора возвышалась высокая чёрная дверь без ручки. Перед ней стояла молодая женщина лет тридцати: тёмные волосы собраны на затылке, серый жилет поверх белой рубашки, под мышкой — несколько тонких папок. На первый взгляд она походила скорее на преподавателя, чем на человека, способного принимать жёсткий экзамен. Но Клайдис сразу обратил внимание на её руки: пальцы были покрыты старыми ожогами разной формы, а один особенно длинный шрам тянулся от запястья почти до самого локтя.

Женщина окинула кандидатов взглядом:

— Все здесь?

Сотрудник АИД сверил список:

— Да.

— Хорошо, — она закрыла папку. — Меня зовут Мира Эстель. Я второй экзаменатор. Леон тут же поднял руку. Мира посмотрела на него:

— Да?

— А экзамен сложный?

Несколько кандидатов в группе усмехнулись, но Мира осталась абсолютно серьёзной:

— Нет.

Леон удивленно моргнул:

— Правда?

— Он простой, — она повернулась к чёрной двери. — Вы просто должны понять правила.

Клайдис прищурился, глядя на гладкую поверхность:

— И всё?

Мира повернула голову и впервые посмотрела прямо ему в глаза:

— Нет. Вы должны понять, какие из правил существуют.

В коридоре стало тихо настолько, что было слышно, как гудят где-то внизу невидимые механизмы. Леон медленно опустил руку.

Мира подошла к двери и положила ладонь на металл. Ничего не произошло. Она закрыла глаза — и через секунду створки бесшумно подались назад.

За ними открылся... лес.

Клайдис не сразу смог осознать увиденное. Огромные, невероятно высокие деревья, чьи стволы уходили вверх настолько далеко, что верхушки полностью терялись в густом белом тумане. Между корнями лежал настоящий мягкий мох, росли незнакомые растения, а где-то вдали глухо шумела вода.

Один из кандидатов выдохнул с испугом:

— Это невозможно... Мы всё ещё в здании!

Мира шагнула за порог, не оборачиваясь:

— Именно поэтому второй экзамен начинается сейчас.

Клайдис переступил порог. В лицо сразу пахнуло сырым холодом, влажным воздухом и резким запахом прелой земли. Он резко обернулся: чёрная дверь по-прежнему стояла за спиной, но за ней не было каменного коридора — только чаща.

Леон вошёл следом за Клайдисом, остановившись рядом на влажном моху.

— Клайдис, — тихо позвал он.

— Что?

— Ты тоже это видишь?

— Лес?

— Да.

— Да.

Леон облегчённо выдохнул:

— Отлично.

— Почему отлично?

— Я уже начал думать, что умер.

Клайдис бросил на него тяжёлый взгляд:

— Не переживай.

— Почему?

— Ты бы наверняка и после смерти продолжил раздражать людей.

Леон улыбнулся:

— Приятно слышать.

Мира Эстель дождалась, пока войдут все кандидаты, и аккуратно закрыла за ними дверь. Раздался резкий, сухой щелчок. Клайдис мгновенно обернулся — но на месте двери теперь возвышался лишь толстый ствол обычного дерева, покрытого мхом. Никаких следов прохода.

Несколько кандидатов начали встревоженно переглядываться. Мира спокойно прошла мимо них.

— Добро пожаловать, — произнесла она, указав рукой вперёд. — В Дейдру. Не в ту Дейдру, которую вы знаете. Не в ту, которую описывают учебники. И уж точно не в ту, которую вы себе представляете.

Лес действительно выглядел чужим — слишком старым, слишком живым. На ближайшем дереве раскинулись странные белые листья, а на соседнем — абсолютно чёрные. Где-то далеко над макушками гигантов медленно проплывала стая существ: они напоминали птиц, но вместо пернатых крыльев у них переливались плотные воздушные мембраны. Один из кандидатов испуганно тыкнул в них пальцем:

— Это что такое?!

Мира даже не обернулась:

— Не знаю.

Кандидат нахмурился, теряя самообладание:

— Вы экзаменатор! И вы не знаете?

Мира остановилась. Повернувшись к ним лицом, она произнесла:

— Это правильный ответ. Если вы чего-то не знаете, первое, чему вас должна научить Дейдра, — не придумывать ответ.

Клайдис промолчал, но зафиксировал это в памяти.

Мира продолжила инструктаж:

— В этом лесу находятся семь объектов. Вы должны найти один.

Она извлекла из папки небольшой лист бумаги и подняла его. На нём был выведен простой круг, перечёркнутый одной вертикальной линией, а под рисунком красовалось единственное слово: «Эхо».

— Это единственная информация, которую вы получите.

Один из кандидатов тут же завалил её вопросами:

— Где искать?

— В лесу.

— Что это такое?

— Не знаю.

— Как оно выглядит?

— Не знаю.

— Оно опасно?

Мира посмотрела на него тяжёлым взглядом:

— Возможно.

— А остальные шесть объектов?

— Возможно, тоже.

— А как мы поймём, что нашли нужное?

Мира убрала лист в папку.

— Если поймёте, что нашли не то, вы узнаете.

Клайдис тяжело выдохнул. Наконец-то не бой и не соревнование на выживание, а чистая задача. Но что-то в этой простоте настораживало. Он снова всмотрелся в рисунок: круг, черта, «Эхо». Информации критически мало.

Он повернулся к Леону. Тот разглядывал лист с совершенно несвойственным ему серьёзным выражением.

— Что думаешь? — тихо спросил Клайдис.

Леон молчал.

— Леон?

— Думаю.

— О чём?

— Почему у дерева слева семь веток, а справа восемь.

Клайдис перевёл взгляд на ближайшее дерево. Действительно: семь слева, восемь справа.

Он удивленно посмотрел на напарника:

— Ты считаешь ветки?

— Нет.

— Тогда зачем заметил?

Леон пожал плечами:

— Они слишком одинаковые.

Клайдис подошёл ближе к стволу и скользнул по нему взглядом. Ветки располагались с пугающей, почти искусственной симметрией, будто их кто-то вычерчивал по линейке. Подняв голову выше, он заметил на восьмой ветке крошечное белое существо, похожее на бесшумную ящерицу. Оно смотрело прямо на него, моргнуло — и растворилось в воздухе без следа.

Клайдис замер:

— Ты это видел?

— Что?

— Ничего.

Значит, первый этап второго экзамена уже шёл полным ходом, и сам лес был частью испытания. Мира Эстель тем временем отошла на несколько шагов в чащу:

— Ещё одно правило: не доверяйте тому, что выглядит естественным.

Клайдис окинул взглядом деревья, землю, туман. Леон тихо шепнул рядом:

— А чему тогда доверять?

Мира слегка улыбнулась — впервые за всё время:

— Хороший вопрос. Найдите ответ.

Она развернулась и скрылась в пелене тумана. Остальные кандидаты тут же бросились в разные стороны: кто-то побежал вглубь чащи в одиночку, кто-то сбился в кучки.

Клайдис остался на месте, внимательно изучая пространство. И вскоре начал замечать то, что ускользало от первого взгляда: птицы не садились на ветви деревьев, густой туман полз строго против ветра, а мох рос почему-то со всех сторон камней, а не с теневой. А ручей... Клайдис резко повернул голову. Вода, чей плеск они отчётливо слышали пару минут назад с одной стороны, теперь шумела совершенно в другой части леса, хотя никто из них не сдвинулся с места.

Он посмотрел на Леона. Тот тоже всё понял. Впервые с момента их знакомства на лице Леона не было ни тени улыбки.

— Значит, ты тоже заметил? — усмехнулся Клайдис.

Леон кивнул:

— Здесь что-то не так.

— Мягко говоря.

— Нет, — Леон медленно поднял руку и указал назад, туда, где они только что вошли. — Я не про лес.

Клайдис обернулся. На коре дерева, в которое превратилась закрытая дверь, проступил знак: круг, перечёркнутый одной вертикальной чертой, — точно такой же, как на рисунке Миры. Под рёбрами шевельнулся холод, и на долю секунды перед глазами встала широкая чёрная улица с голубыми огнями на стенах башен. Клайдис моргнул, и улица исчезла.

Из глубины чащи донёсся голос. И пугающим было то, что он принадлежал им обоим одновременно:

— Не ищите Эхо. Эхо ищет вас.

Несколько секунд никто не смел шевельнуться; даже мёртвый ветер замер. Внезапно пространство вокруг них дрогнуло, и один из экзаменуемых рядом панически закричал:

— Где мой брат?! Только что был здесь!

Парень начал судорожно озираться, но напарника на том месте уже не было.

Клайдис почувствовал, как под рёбрами заворочался ледяной холод — это было даже хуже страха, это было сомнение в собственной памяти. А в голове неожиданно вспыхнула короткая, ослепительная вспышка: он увидел себя делающим шаг назад, услышал хруст расколотой плиты и провал в абсолютную темноту.

Дар пророчества снова давал сбой, рассыпаясь на тысячи вероятных, но путаных вариантов будущего.

Пространство вокруг продолжало искажаться, стирая грань между реальностью и наваждением. Клайдис моргнул, отгоняя навязчивые видения сотен возможных исходов, но в этот момент один из экзаменуемых в панике схватил Леона за воротник:

— Верни его! Ты знаешь, куда он делся!

Леон даже не шелохнулся, спокойно глядя на чужие дрожащие руки:

— Я не похищал твоего брата.

— Тогда где он?!

— Не знаю.

— Врёшь!

Парень уже замахнулся для удара, но Леон перехватил его запястье с пугающей, небрежной лёгкостью, остановив движение без единого видимого усилия:

— Если хочешь найти его, перестань тратить время.

Он отпустил парня и добавил холодным тоном: — И перестань думать, что коридор всё ещё тот же.

Клайдис опустил взгляд под ноги. Серые каменные плиты, казалось бы, остались прежними, но стоило поднять глаза, как стало ясно: стены сузились, а позади них вместо прохода зияла абсолютно глухая каменная кладка.

— Мы не двигались, — тихо констатировал Клайдис.

Леон кивнул:

— Знаю.

— Но пространство изменилось.

— Похоже на то.

— Или изменилось наше восприятие.

Леон впервые посмотрел на него с заметным интересом: — Вот это уже полезная мысль.

Клайдис оглянулся на оставшихся кандидатов и резко нахмурился, пересчитав их. Пятеро. Нет, четверо. Он сверил цифры еще раз:

— Нас было шестеро.

Леон промолчал.

— Нас было шестеро, — повторил Клайдис.

Один из оставшихся парней смертельно побледнел:

— Нет... Нас было семеро.

В коридоре повисла звенящая тишина. Попытки вспомнить, кто именно исчез, ни к чему не привели — в памяти зияла чистая, выжженная пустота. Под рёбрами Клайдиса вновь заворачивался холод. В голове на доли секунды вспыхнул новый вариант будущего: он видел себя, отступающего назад, расколотую плиту пола и падение в темноту. Его способность снова сбывалась, перегружая разум тысячами развилок.

А затем они увидели её — одинокую деревянную дверь, стоявшую посреди коридора без стен и рам.

— Наконец-то, — выдохнул Леон.

— Ты знаешь, что за ней? — прищурился Клайдис.

— Нет.

— Тогда чему радуешься?

— Тому, что хотя бы кто-то здесь честен, — Леон толкнул створку.

За дверью открылась бескрайняя черная площадь под бесконечным небом без единой звезды. Под ногами лежал ослепительно белый песок, а вокруг стояли десятки людей. Кто-то молчал, кто-то плакал, кто-то смеялся, а некоторые выглядели так, будто прошли через настоящий ад. Но стоило Клайдису и Леону сделать шаг вперёд, как все эти люди синхронно повернули головы.

И каждое лицо на площади оказалось лицом одного из них.

Клайдис замер, разглядывая собственные отражения: вот он сам — старший, с разбитым лицом и окровавленной одеждой; вот испуганный юнец; а рядом — версия с пустыми, мертвыми глазами.

— Вы опоздали, — произнес один из двойников с усмешкой.

— Куда? — напрягся Клайдис.

— На собственную смерть.

В следующую секунду пространство вокруг взорвалось хохотом десятков голосов, а небосвод рухнул во тьму. Когда свет вернулся, они уже стояли в ночном лесу под аккомпанемент далёкого колокольного звона.

Из чаши вышел ещё один двойник — на этот раз в чёрном плаще с серебряной застёжкой академии и свежими порезами на лице. Он в упор смотрел на Клайдиса:

— Каждый из вас уже сделал свой выбор.

— Какой выбор? — повторил Клайдис.

— Кто будет жить.

Колокол пробил во второй раз, и одна из девушек прямо на их глазах бесследно растворилась в воздухе, уступив место своему зеркальному отражению. Её напарница с криком бросилась вперед, но Леон резко перехватил её за плечо:

— Если она действительно твоя подруга, ты сейчас сделаешь ровно то, чего от тебя хотят.

— А если нет? — сорвалась на крик девушка.

— Тогда мы уже проиграли, — спокойно ответил Леон.

Двойник в плаще пристально посмотрел на Леона, словно видя его насквозь:

— А ты... Ты уже был здесь.

Клайдис резко перевел взгляд на напарника:

— Ты уже проходил этот экзамен?

— Нет, — покачал головой Леон.

— Тогда почему он так говорит?

— Потому что он хочет, чтобы ты мне не доверял.

Клайдис помедлил мгновение и ответил:

— И это работает?

— Нет.

— Хорошо.

Двойник поднял руку, высвобождая сгусток тьмы, который с грохотом расколол почву у их ног. Вспышки будущего заполнили сознание Клайдиса: он видел гибель каждого из них в десятках вариаций. Но сосредоточившись на деталях, он заметил странность — двойник не оставлял следов на влажной листве.

— Ты не настоящий, — бросил Клайдис, делая шаг вперед. — Твои следы обрываются в трёх метрах отсюда. Ты боишься, что я это выясню.

Двойник оскалился в улыбке, но Клайдис неожиданно опустил нож, ломая привычный сценарий схватки.

— Я не буду играть по твоим правилам, — тихо сказал он.

В этот момент Леон сделал то, чего никто не ожидал: он резко развернулся и ударил Клайдиса в лицо. Клайдис отлетел на пару метров, вытирая кровь с разбитой губы:

— Ты что творишь?!

Леон лишь тяжело дышал:

— Вот. Теперь ты тоже не знаешь, что будет дальше.

Этот абсурдный, абсолютно непредсказуемый поступок разрушил иллюзию. Лес заполнил хор тысяч голосов, скандирующих «Непредусмотренный выбор», а двойники один за другим рассыпались пеплом под вспышками.

Тьма рассеялась, и кандидаты вновь оказались на площади, где перед ними выросли три массивные арки. Над первой значилось слово «СИЛА», над второй — «ЗНАНИЕ», а над третьей — «ЖЕРТВА».

Остальные кандидаты растерянно переглядывались.

— Нужно выбрать одну? — неуверенно спросил кто-то.

— Наверное.

— А если ошибёмся?

Леон подошел вплотную к проходам, окинув их ленивым взглядом:

— Тогда, скорее всего, умрём.

— Ты можешь хоть иногда говорить что-нибудь обнадеживающее? — поморщился сопартиец.

— Конечно, — улыбнулся Леон, указывая на арки. — Через первую, вероятно, умрём от силы. Через вторую — от знания. А через третью — от жертвы. Видишь? Всё прекрасно.

Клайдис промолчал. Он всматривался в детали: у первых двух арок земля была истоптана десятками следов, тогда как перед третьей не было вообще ни пылинки, ни единого отпечатка, будто её воздвигли только что.

— Я выбираю третью, — решительно произнес он.

— Конечно, — кивнул Леон, следуя за ним. Остальные кандидаты распределились по другим проходам.

Шагнув за третью арку, они очутились в странном пространстве — абсолютно белой комнате без стен, пола и потолка. Под ногами не чувствовалось опоры, но падения не происходило. Из пустоты перед ними соткалась высокая безликая фигура, протянувшая руку с маленьким чёрным камнем:

— Возьмите.

В голове Клайдиса вновь вспыхнул рой вероятностей: в одном из вариантов камень превращался в пепел, в другом — комната заполнялась водой, в третьих исчезал то Леон, то он сам. Будущее рассыпалось на тысячи тупиковых веток.

Не дожидаясь худшего исхода, Леон первым протянул руку и забрал камень. Ничего не произошло.

— Кажется, меня обманули, — хмыкнул он.

Но когда точно такой же камень взял Клайдис, белое пространство содрогнулось и раскололось на сотни зеркальных фрагментов, где они вдвоем отражались в самых разных позах и исходах. Все отражения в унисон произнесли:

— Выбор сделан.

Камень в руке Клайдиса мгновенно раскалился, покрывшись сетью светящихся трещин. В этот момент он окончательно понял суть испытания: экзамен никогда не требовал угадать «правильный» путь — он проверял, как человек поступает, когда никакого правильного пути просто не существует.

— Брось камень, — резко бросил Клайдис.

— Что?

— Брось!

Леон мгновенно уловил мысль и швырнул предмет вниз. Не раздумывая больше ни секунды, Клайдис выхватил нож и со всей силы ударил лезвием по раскаленному артефакту в своей руке.

Камень разлетелся на осколки, и ослепительный белый свет поглотил всё вокруг.

Когда Клайдис открыл глаза, он лежал на холодном каменном полу знакомого испытательного комплекса. Вокруг стонали, приходили в себя и поднимались на ноги остальные выжившие экзаменуемые — их осталось ровно двадцать семь человек.

На массивной стене перед ними проступили итоговые цифры, и холодный голос экзаменатора объявил о завершении второго испытания, которое проверяло поступки человека в условиях абсолютной неопределенности.

Тяжелые двери начали медленно отворяться, пуская внутрь слепящий дневной свет. Клайдис поднялся, отряхнул одежду и уже собирался шагнуть наружу, когда на ладони заметил крошечную чёрную пылинку от разрушенного камня. На мгновение ему показалось, будто он уже переживал этот момент давным-давно, но странное ощущение тут же испарилось, растворившись в тишине.

— Клайдис, идём? — окликнул его Леон.

Глава 5

Между экзаменами

После подземного комплекса дневной свет ударил так резко, что Клайдис на секунду прикрыл глаза ладонью в перчатке. Двор АИД жил своей жизнью, которой не было дела до чужих экзаменов: скрипели колёса тележек, кто-то ругался сразу на трёх языках, по мокрым плитам тянуло жареным луком, дымом и сырой шерстью — на кухнях готовили обед на несколько сотен человек.

Двадцать семь уцелевших выходили медленно, как выходят из бани, где парились слишком долго. Никто не разговаривал. Молодая зверолодка с рыжими, чуть подпалёнными на кончиках ушами села прямо на бордюр и уткнулась лицом в колени. Коренастый дварф в кожаном фартуке вытряхивал из бороды белый песок — тот самый, с площади под беззвёздным небом. Песок сыпался на камни, лежал несколько секунд и бесследно таял.

На крыльце канцелярии появился человек в нарукавниках с рулоном бумаги под мышкой. Пальцы у него были чёрными от чернил до второго сустава, а лицо выражало ту усталую беспристрастность, которая появляется у людей, двадцать лет зачитывающих списки и давно переставших ждать от них хорошего.

— Кандидаты, оставшиеся в испытаниях, свободны до семи утра, — прочёл он, не поднимая глаз. — Столовая открыта. Лазарет — по коридору налево. Выбывшие проходят в канцелярию за расчётом. Третье испытание завтра, в семь утра, в северном дворе. Экзаменатор — Харт Дрейвен.

— Дрейвен — это тот, что младший? — спросили из толпы.

— Он самый.

— Младший по званию?

Клерк наконец посмотрел на спрашивающего, и на секунду его лицо показалось почти живым.

— По возрасту. Ему двенадцать.

Над двором повисла тишина, в которой особенно громко заскрипело чьё-то колесо. Клерк, похоже, понял, что сказал лишнее, торопливо свернул бумагу и добавил:

— Приятного аппетита.

Клайдис ни о чём не стал спрашивать. Двенадцатилетний мальчик на должности экзаменатора АИД — из тех фактов, которые ничего не объясняют, а только требуют объяснений. Он убрал его в память рядом со вчерашним мечом Неро и сегодняшним лесом Миры и отправился искать тихое место.

Тихого места в АИД не нашлось, зато нашлась столовая. Она занимала старую трапезную с высокими сводами, закопчёнными так давно, что копоть стала частью архитектуры. Длинные столы уходили в полумрак; над ними стоял ровный гул сотен голосов, стук ложек и глухое бульканье котлов. Здесь обедали картографы с угольной пылью на манжетах, двое дварфов, ожесточённо споривших над бухгалтерской книгой, носильщики-зверолоуды, которые доедали хлеб стоя у стены, и худой архивист из лунной расы, натянувший капюшон почти до подбородка: он читал и механически отправлял в рот ложку за ложкой, ни разу не заглянув в миску.

Клайдис выбрал место в углу, где за спиной был камень, а перед глазами — весь зал и обе двери. Раздатчица, широкая красная от жара дварфийка с одним выбитым зубом и предплечьями, на которых можно было бы подвесить колокол, плеснула ему в миску густой ячменный суп с копчёной рыбой, покосилась на перчатки, ничего не сказала и положила рядом лишний ломоть тёмного хлеба.

— Ешь, птенец, — буркнула она. — У тебя вид человека, которого сегодня уже один раз съели.

Клайдис не нашёл, что ответить, и просто кивнул. Он ел, не снимая перчаток. Ложка в кожаных пальцах лежала неудобно, но привычка — не то, от чего избавляются за один обед.

— А, вот ты где, — сказал Леон и опустил ся напротив. — Я обошёл три зала и одну кладовку. В кладовке, между прочим, живёт сторож. Он дал мне яблоко и сказал, что я не из тех, кого нужно запирать.

На его подносе стояли две миски. Одну он с достоинством придвинул к Клайдису.

— У меня уже есть.

— Значит, будет запасная.

— Я пришёл сюда есть в одиночестве.

— Понимаю. Поэтому и сел рядом: одиночество вредно для пищеварения.

Клайдис хотел ответить, но заметил правую руку Леона. Костяшки были обмотаны носовым платком, сквозь который проступала тёмная припухлость. Леон перехватил его взгляд и небрежно спрятал руку под стол.

— Ты твёрдый, знаешь ли. У тебя лицо как забор, за которым живёт очень злая собака.

— Ты ударил меня.

— Сработало.

— Это не ответ.

— Это результат, — Леон зачерпнул суп. — А результат обычно лучше ответа.

Клайдис промолчал. Он ненавидел быть тем, кого опередили, и ещё сильнее ненавидел признавать, что опередивший оказался прав. Двойник читал его так, что ни один из тысячи вариантов будущего не помогал; Леон, не зная ни одного из них, выбрал единственное движение, которого там никто не ждал. Случайность? Клайдис перебрал всё, что успел увидеть за два дня: шнурок, подсвечник, доска, каменная глыба, камень, раскалившийся в его руке. Список случайностей стал слишком длинным, чтобы оставаться просто случайностями, и слишком странным, чтобы делать из него вывод. А выводов при нехватке данных он делать не собирался. Мира, как ни странно, вбила ему это за один экзамен лучше, чем целые годы обучения.

Возле стола остановился тот самый дварф с песком в бороде. Он держал миску в одной руке, краюху хлеба в другой и выглядел человеком, привыкшим садиться там, где ему не рады.

— Вы двое — которые у третьей арки без единого следа? — спросил он и, не дожидаясь ответа, сел. — Бренн Гартмунд, кузнец, Кремнёвый Ряд. Я на второй развилке двадцать минут ковырял стены, решил, что они ненастоящие. Оказалось, настоящая одна. Обидно.

— Клайдис, — сказал Клайдис.

— Леон, — сказал Леон. — Мы вместе пришли, но это случайность.

Бренн громко засмеялся и вытер бороду рукавом.

— У меня способность нагревать железо руками, — сообщил он с той простотой, с которой люди говорят про свой рост. — Алтарь дал в шестнадцать. Цена — нюх. Совсем никакого запаха. Кузнец, который не чувствует, что горит, — сам понимаешь. Я стоял перед алтарём и молился: только бы не руки, только бы не глаза. А он взял нос. Смешно, да? — Он зачерпнул суп и с удовольствием отправил в рот. — Зато столовские супы люблю. Они у всех одинаковые: горячие.

— Разумно, — заметил Леон.

— А у тебя? — Бренн повернулся к Клайдису. — Чем заплатил?

— Не обсуждаю.

Бренн кивнул без обиды и даже как будто уважительно.

— Правильно. Некоторые вещи за супом не отдают.

Через два стола, у стены, сидел парень лет двадцати: тот самый, что утром в лесу кричал про брата. Перед ним стояла нетронутая миска, давно переставшая парить. Он смотрел на неё как на письмо, которое боятся вскрывать.

Леон проследил за взглядом Клайдиса, помолчал, что само по себе было событием, взял с общего блюда половину каравая и ушёл.

Клайдис смотрел, как он садится рядом с парнем: не напротив, а именно рядом, плечом к плечу, как садятся старые знакомые. Слов слышно не было. Парень сначала мотнул головой, потом что-то ответил, потом коротко, хрипло рассмеялся. Леон кивнул, разломил хлеб и положил половину в чужую миску.

— Ронд Ветрин, — негромко сказал Бренн. — Их было двое, он и старший брат Тэм. Брата после третьего колокола вынесли из леса без сознания. Теперь лежит в лазарете и ничего не помнит: ни как зашёл, ни как выбыл.

— Выбыл, — повторил Клайдис.

— Ну, не умер же. Мира сказала: «Все живы». — Бренн шумно отхлебнул. — Странная она женщина. Я ей верю, а почему — не понимаю.

Клайдис снова посмотрел на Леона. Тот уже размахивал ложкой, что-то рассказывая, а Ронд слушал и не замечал, что начал есть. Клайдис не мог решить, что раздражает его больше: то, что Леон делает это без всякой выгоды, или то, что делает он это хорошо.

Ближе к вечеру, когда столовая опустела, а во дворе зажгли первые фонари, Клайдис пошёл по длинной галерее второго этажа. Она вела к жилому крылу кратчайшим путём и потому оставалась почти безлюдной. Только в конце её из приоткрытых дверей падала широкая полоса жёлтого света и доносился голос.

Он собирался пройти мимо. Но профессиональная привычка оказалась сильнее: голос был знакомым.

Картографическая галерея занимала три этажа. Вся дальняя стена представляла собой одну карту: тысячи кусков пергамента, склеенных, сшитых, подрисованных и не раз перерисованных заново. Материк лежал на ней спокойным, хорошо изученным пятном. Вокруг него рассыпались острова: одни выведены чёткой тушью и подписаны, другие обозначены тонким пунктиром, третьи — просто булавками с красными и жёлтыми флажками, словно подозрение, что там вообще есть земля. Между ними тянулась голубая пустота, и её было больше всего.

Леон стоял перед картой с задранной головой. Рядом на стремянке возился старик в очках с двумя линзами на шарнирах и халате, забрызганном тушью до самых плеч.

Клайдис остановился в тени колонны. Сначала слушать, потом входить, если вообще входить, — старое правило.

— ...Обычные острова — они как соседи, — вещал старик, водя кисточкой по пергаменту. — Шумные, беспокойные, но понятные. Растения, зверьё, руды: пришли, покопали, ушли. Редкие — как родня со стороны жены: ни поговорить по-человечески, ни выгнать. Вот, скажем, Остров Веселья. Шесть человек, картографы, между прочим, дипломированные! Заявили, что останутся на часок. Мы вытаскивали их баграми. Они пели.

— Всё время? — восхитился Леон.

— Три дня. После этого один из них женился на лодке.

— Красивая была лодка?

— Молодой человек, я не спрашивал.

Леон рассмеялся так искренне, что старик, кажется, остался доволен. Он слез на пару ступенек и вытер кисть о халат.

— А легендарные? — спросил Леон.

— Легендарные — это те, о которых мы записываем слухи, а не координаты. Остров в сновидениях, остров над облаками, остров, где артефактов как грибов после дождя, а настоящий один, и за ошибку платишь жизнью... — Он махнул кистью. — Сказки. Красивые. Их полагается любить и не проверять.

Леон не ответил. Он смотрел на дальний край карты, на большое голубое пятно без единой отметки, куда не заходили даже пунктиры. Потом осторожно приложил к нему палец, как прикладывают к стеклу, за которым что-то есть.

— А здесь почему пусто?

— Потому что там ничего нет.

— Или потому что вы там не были.

Старик замер на стремянке. Очки съехали на кончик носа.

— Молодой человек, — сказал он тихо, почти ласково, — вы только что произнесли самую опасную фразу в нашей профессии.

— Простите, — Леон убрал палец. — Больше не буду.

Он улыбнулся своей обычной улыбкой: быстрой, широкой, чуть виноватой. Но рука, только что лежавшая на карте, ещё несколько мгновений оставалась слегка согнутой, как будто держала что-то невидимое. Клайдис запомнил это и тут же выбросил из головы: мало ли что делают руки у людей, которые слишком много говорят.

Он ушёл раньше, чем кто-нибудь из двоих его заметил. Ему не нравилось, что он сам не понимает, почему стоял так долго.

Комната была той же, что и вчера: кровать, стол, стул, узкое окно. Клайдис положил ножи на стол в привычном порядке и не стал проверять их, а сел на стул и долго смотрел на пламя лампы.

Двойник в лесу. Чёрный плащ, серебряная застёжка, свежие порезы на лице. И рядом, на площади под беззвёздным небом, ещё двое: старший с разбитым лицом и испуганный юнец. Первого и второго АИД могла собрать из досье: рост, черты, шрамы, обстоятельства. Но испуганного юнца в досье быть не могло. Такого не вносят в бумаги, потому что никто его не видел.

Значит, либо в АИД знали о нём больше, чем он позволял знать, либо площадка умела вытягивать образы прямо из головы. Второй вариант казался Клайдису менее неприятным, чем первый, и именно поэтому он не позволил себе в него поверить.

В дверь постучали. Дважды, лениво, как стучат люди, которым уже всё равно, откроют им или нет.

— Что? — сказал Клайдис, приоткрыв дверь на ширину ладони.

Леон стоял в коридоре с яблоком в руке. Вид у него был совершенно безмятежный.

— Сторож просил передать. Сказал, что ты выглядишь как человек, которому положено яблоко.

— Сторож меня не видел.

— Тогда я хорошо описал.

— Иди спать.

— Иду. — Леон положил яблоко на порог и сделал два шага назад. — Кстати. Завтрашний экзамен: ребёнок-экзаменатор. Это или самый безопасный экзамен, или самый опасный. Среднего не бывает.

— Откуда ты знаешь?

— Я не знаю. Мне просто нравится думать вслух. — Он уже шёл по коридору, но обернулся у поворота. — Клайдис. Ты тогда в лесу не стал бить меня в ответ. Спасибо.

— Я подумал об этом.

— Знаю, — сказал Леон и скрылся за углом.

Глава 6

Младший экзаменатор

Северный двор оказался самым маленьким в АИД: колодец между четырьмя глухими стенами, куда даже полуденное солнце заглядывало лишь на час. К семи утра там всё ещё стояла ночь, серая, сырая, пахнувшая мокрой золой и холодным камнем. В центре торчал пересохший фонтан с облупленной чашей, а над ним раскинул ветви старый платан, сбросивший на плиты половину листвы. Листья лежали мокрым ковром и хрустели под ногами, как тонкие косточки.

Клайдис пришёл на двадцать минут раньше. Привычка. Но на краю фонтана уже кто-то сидел.

Мальчик. Худой, вихрастый, темноволосый, в форменном пальто АИД, сшитом на человека вдвое крупнее: рукава были закатаны в три оборота. На щеке чернильное пятно, на коленях бумажный кулёк, из которого он вытаскивал горячую булку, откусывал и жмурился от удовольствия. Ноги, свисавшие с фонтана, не доставали до земли и беспечно болтались.

Первой мыслью Клайдиса было: посыльный. Второй — что посыльные не сидят так спокойно в двух шагах от места экзамена.

Он перевёл взгляд на стену за фонтаном, куда падал свет фонаря, и задержался. Тень мальчика лежала на камне. Она была чуть длиннее, чем следовало, на полголовы выше своего хозяина. И не болтала ногами. Мальчик качал ботинками, а тень сидела неподвижно и очень прямо, сложив руки на коленях, как человек, ожидающий в приёмной.

Клайдис не стал смотреть на неё дольше положенного. Он сделал вид, что рассматривает платан.

— Вы ранний! — обрадовался мальчик, проглотив кусок. — Это хорошо. Ранние не ноют. — Он протянул кулёк. — Хотите? Тётя Гурда даёт мне по одной в день, если сказать, что это по работе.

— Нет.

— Зря. С корицей.

— Ты Харт Дрейвен.

— Ага, — мальчик спрыгнул на землю, стряхнул крошки и торжественно протянул ладонь. — Младший экзаменатор. Только, пожалуйста, не говорите «младший» так, как говорят все. Можно просто «экзаменатор». Или «Харт». Или «эй, ты», но это уже от отчаяния.

Клайдис посмотрел на ладонь в чернильных пятнах, потом на лицо. Оно было открытым, веснушчатым, живым, с той особой бесхитростностью, которую умеют изображать взрослые и которая у детей почти всегда настоящая. Почти. Взгляд у мальчика оказался чуть внимательнее и чуть спокойнее, чем должен быть у двенадцатилетнего. Клайдис слегка пожал протянутую руку. Харт ничуть не смутился тем, что пожал перчатку.

Остальные подтягивались по одному.

Первым явился высокий эльф с восточных архипелагов, Сайрен Ваэль: волосы цвета мокрого пепла собраны в тугой хвост, серо-голубой плащ без единой складки, меч за спиной. Он остановился в трёх шагах от Харта и оглядел его так, как оглядывают неверно заполненную бумагу. Следом пришла зверолюдка с подпалёнными ушами, тихая, настороженная, назвавшаяся Нисой, за ней Бренн, зевающий и, по его собственным словам, ничем не пахнущий, и Ронд Ветрин с синевой под глазами. Потом явился человек лет двадцати пяти в дорожных перчатках и с ненужным, как показалось Клайдису, мечом: улыбка у него была из тех, что не знали слова «нет» в значимом смысле. Он представился Вальтером Кроне из торгового дома и добавил, что это имя, вероятно, уже знакомо присутствующим.

— Нет, — вежливо ответил Харт.

Вальтер моргнул, но улыбку удержал.

Леон появился последним, за минуту до семи: на ходу застёгивая пальто, с яблочным огрызком в зубах и совершенно невозмутимым видом.

— Все? — спросил Харт, пересчитал их пальцем и остался доволен. — Семь. Хорошее число. Значит, так.

Он забрался обратно на край фонтана, чтобы оказаться выше.

— Я отведу вас в одно место. Потом мы вернёмся. Всё. Это весь экзамен.

— Что нужно сделать? — спросил Вальтер.

— Дойти.

— И?

— Вернуться.

— А в чём задача?

Харт улыбнулся. Улыбка вышла озорной, но Клайдис заметил, что глаза остались серьёзными.

— Это она и есть.

— А если что-то случится? — тихо спросил Ронд.

— Случится, — согласился Харт с такой готовностью, что несколько человек переглянулись. — Он любит гостей. — Он кивнул на стену, где сидела тень. — Это Он. Не пугайтесь, пожалуйста. И, пожалуйста, не бейте его. Он этого не любит. Он вообще много чего не любит.

Он произнёс это тем же ровным детским голосом. Только на слове «пожалуйста» интонация изменилась на долю секунды: стала ниже, тише. Больше никто, кажется, этого не услышал.

Вход в подземелье оказался за неприметной служебной дверью в углу двора, такой низкой, что даже Харту пришлось слегка пригнуться. За ней вниз уходила винтовая лестница с фонарями из зеленоватого стекла, и уже на третьем витке шум города пропал совсем, как будто его отрезали.

Это были нижние этажи старого крыла: склады, хранилища, каменные ниши с полками. На полках стояли ящики, запечатанные воском, каждый с выжженным номером острова; рядом лежали свёрнутые в трубки карты, слишком старые, чтобы рисковать разворачиванием. Пахло сухой пылью, сальными свечами и холодом. Где-то вдали капала вода, и звук капель растягивался в коридорах, как резина.

Харт шёл впереди, засунув руки в карманы огромного пальто, и разговаривал без умолку.

— ...Четыреста шесть ступенек. Я считал. Один раз получилось четыреста семь, но, думаю, это я споткнулся. Ниже хранилищ — ещё хранилища, ниже них — то, что хранилища охраняют. Я там прячу конфеты. В стене, третий камень слева, только не говорите тёте Гурде.

— А зачем ты нас ведёшь так глубоко? — спросил Вальтер.

— Потому что там дверь.

— Какая дверь?

— Обычная, — ответил Харт с такой подкупающей искренностью, что Клайдис на секунду почти поверил.

На четвёртом витке лестницы фонари вздрогнули и погасли один за другим, оставив только слабое мерцание далеко внизу. Никто не вскрикнул. Клайдис остановился, и остальные остановились за ним, слушая.

Шагов было девять. Клайдис пересчитал дважды. Семеро кандидатов и Харт — восемь.

— Это он поздоровался, — не оборачиваясь, сказал Харт. — Не отвечайте. Привыкнет.

Ронд вдруг побледнел и схватился за перила.

— Он позвал меня, — сказал он глухо. — Голосом Тэма.

— Не слушай, — Харт остановился и на этот раз обернулся. — Он повторяет то, что у тебя в голове громче всего. Это не брат. Это эхо брата.

— Тогда откуда... — Ронд не договорил.

— Потому что ты громко о нём думаешь. — Харт вздохнул с преувеличенной, почти взрослой усталостью. — Он не злой. Он просто любопытный.

Леон, стоявший ближе всех к стене, вдруг сказал в темноту вежливым голосом:

— Привет.

Харт всплеснул руками.

— Не надо здороваться!

— Почему?

— Он решит, что вы друзья.

— А это плохо? — спросил Клайдис.

— Он очень навязчивый друг, — Харт помолчал и добавил мрачно: — Он вчера съел мои носки.

Харт помолчал и добавил тише:

— Он из очень строгой семьи. Ему просто не с кем играть.

Никто не понял, шутит ли он. Бренн хмыкнул. Сайрен молча приподнял меч в ножнах, не решаясь на большее.

— Уберите, пожалуйста, — сказал Харт, даже не глядя. — Вы целитесь не в него, а в стену. Вам потом перед завхозом извиняться.

Сайрен медленно вложил клинок обратно. Лицо у него было такое, будто ему только что вручили штраф.

Лестница закончилась просторной площадкой, откуда в разные стороны расходились три совершенно одинаковых арки. Харт свернул в среднюю и пошёл дальше. Все двинулись следом.

Тень на стене шевельнулась.

Сначала Клайдис принял это за игру света. Потом тень отклеилась от камня, как отклеивается от стены мокрый лист бумаги, и выпрямилась в коридоре, уже не привязанная к какому-либо источнику света. Она была вдвое выше человека, тонкая, почти хрупкая, и двигалась удивительно осторожно, как человек, несущий что-то очень ценное. Лица у неё не было. Там, где оно должно было быть, стояла гладкая ночь, и в этой ночи, как две приоткрытые щели, тускло светились узкие полоски холодного света.

— Так, — сказал Харт. — Началось. Я предупреждал.

Тень протянула длинную руку, взяла Вальтера за воротник и приподняла над полом. Не грубо, а деловито, как поднимают котёнка за шкурку. Вальтер закричал, выхватил меч и ударил. Клинок прошёл сквозь тьму, не встретив сопротивления, и вернулся весь в тонком белом инее. Тень, не обращая внимания, поставила его на пол ровно там, где взяла.

— Я же просил, — грустно сказал Харт.

Бренн, побагровев, ударил молотом. Тень поймала боек двумя пальцами и мягко опустила молот на землю.

Клайдис не двинулся. Он смотрел. Тень ни разу не коснулась чужой кожи. Она не била, не хватала так, чтобы причинить вред, не отбирала оружие насовсем; она только заворачивала, отводила, переставляла, как хозяйка, которая передвигает мебель. Каждый раз, когда на неё нападали, она ненадолго замирала и как будто прислушивалась к ответу.

Она ждала реакции.

— Не трогайте, — сказал он негромко, и слова вышли сами. — Опустите оружие. Оно не нападает. Оно проверяет, как мы себя ведём.

Сайрен бросил на него быстрый взгляд, и что-то в лице эльфа поменялось: недоверие уступило место расчёту. Он первым убрал руку с эфеса. Бренн опустил молот. Даже Вальтер, тяжело дыша, спрятал меч.

Тень наклонила голову. Затем повернулась и медленно раскинула руки. Стены дрогнули. Плиты под ногами исчезли, а вместо них открылся провал, из которого тянуло сыростью и глубиной. Только у самой стены осталась тонкая полоска пола.

— А, вот это уже серьёзно, — весело сказал Леон и присел на краю. — Ниса, ты слышишь?

Зверолюдка вздрогнула, потом кивнула. Уши у неё чуть заметно дёргались.

— Нижняя тропа... звучит, — прошептала она. — А эта, по которой мы шли, не звучит совсем. Там пустота. Шаги не отдаются.

— Ты уверена?

— Я всегда слышу, как земля дрожит. — Она сглотнула. — Цена в том, что я больше не слышу музыку. Совсем. Только шум.

— Тогда ведёшь ты, — сказал Клайдис.

Она пошла первой, медленно, вслушиваясь в каждый шаг и время от времени останавливаясь, чтобы прислониться ладонью к камню. Остальные двигались следом цепочкой, вплотную к стене. На середине пути Леон вдруг сел прямо на пол, скрестив ноги.

— Ты что делаешь? — прошипел Клайдис.

— Если не можешь пройти, посиди, — невозмутимо ответил Леон и обратился к тени: — Устал? Я тоже.

Клайдис уже открыл рот, чтобы сказать что-то очень язвительное, когда тень медленно, с явной неохотой, опустилась рядом с Леоном и тоже села, свесив длинные руки между колен. Между ними повисла странная, почти комичная пауза.

— Хм, — сказал Харт. — Раньше он так не делал.

Тень вздохнула. Звука не было, но воздух шевельнулся. Потом она поднялась, раскрылась, как сложенный веер, и мгновенно втянулась обратно в стену. Провал сомкнулся. Под ногами снова лежали ровные плиты.

— Ну вот, — сказал Харт и скользнул на Леона быстрым, оценивающим взглядом, который тут же спрятал. — Уже привыкает.

Последний коридор был короток. Он открывался в зал без потолка: то есть потолок там, несомненно, был, но фонарные огни не доставали до него, и над головой висела ровная, вязкая темнота. Воздух здесь двигался. Клайдис почувствовал это раньше, чем понял: слабое дыхание, идущее из глубины, и запах, которого не должно быть под землёй посреди города. Соль. Холодная, влажная, морская.

В дальней стене стояла дверь.

Она была из чёрного камня, того же, из которого была сложена сама стена, и от этого казалась не вставленной, а вырастающей из неё. Ни ручки, ни петель, ни замка. Выше человека в два раза. На уровне груди в камень был вырезан знак: круг, перечёркнутый вертикальной линией.

Клайдис остановился.

Вчера, в лесу Миры, он уже видел этот знак: на бумаге, а потом на коре дерева, которое только что было дверью. Тогда он списал холод под рёбрами на нервы и на лес, умевший искажать восприятие. Теперь списывать было не на что. Знак был вырезан в камне глубоко и неторопливо рукой, которой некуда спешить, и Клайдис знал так же твёрдо, как знал собственное имя, что видел его раньше не здесь и не вчера. И совсем не на бумаге. Чувство было таким сильным, что на секунду перехватило дыхание.

Мир накренился. Перед глазами встала чёрная улица, широкая, как русло реки, вымощенная плитами, покрытыми резьбой. Над ней, теряясь в сумерках, поднимались башни, и на стенах их один за другим загорались холодные голубые огни. Гигантская статуя с четырьмя руками стояла у перекрёстка, вместо лица у неё была гладкая пустая поверхность. На языке появился вкус соли, а в груди зашумело что-то ровное и огромное, похожее на далёкий прибой.

Он вцепился пальцами в собственное запястье. Видение исчезло так же внезапно, как пришло, оставив после себя лишь тошнотворное ощущение узнавания. Не воспоминание: скорее след. Отпечаток пальца на стекле, которое протёрли.

Харт смотрел на него. Не на дверь: на него. Потом отвёл глаза и остановился посреди зала.

— Всё, — сказал он. — Мы пришли.

— И что теперь? — спросил Бренн.

— Ждём.

— Чего?

— Пока кто-нибудь не захочет открыть.

В зале стало очень тихо.

— Это экзамен на смелость, — сказал Вальтер, и в его голосе снова появилась та уверенная лёгкость, которая у людей его типа возвращается быстрее всего. — Понятно.

— Или на глупость, — заметил Сайрен.

— Я ничего не чую, — задумчиво сообщил Бренн, втягивая воздух. — Хотя, конечно, это ничего не значит.

Ниса приложила ладонь к стене и побледнела.

— Оно гудит, — сказала она. — Ниже слуха. Как будто там кто-то... дышит. Очень большой и очень медленно.

Леон стоял чуть впереди остальных и смотрел на дверь с тем же выражением, которое Клайдис видел у него днём в галерее перед картиной: почти детское любопытство с чем-то тонким и незнакомым на дне.

— Знаешь, что самое интересное? — сказал он негромко. — Она не заперта.

— Ты не знаешь.

— Нет. Но мне так кажется.

Он шагнул вперёд, и рука его чуть приподнялась. Клайдис среагировал раньше, чем успел подумать: перехватил его за рукав пальто и потянул назад. Леон остановился без сопротивления и посмотрел на него: удивлённо, почти с интересом.

— Я бы остановился, — сказал он.

— Когда?

— Не знаю. Это меня и пугает.

Клайдис хотел ответить, но не успел.

Вальтер оттолкнул Сайрена плечом, в три шага пересёк зал и с размаху хлопнул ладонью по знаку.

Раздался тихий звук, похожий на вдох.

В камне появилась щель, тонкая, как волос, потом шире, шире, на ширину ладони. Из неё вырвался холодный голубой свет, точно такой же, как огни на башнях в том видении. Ударил ветер, сырой, солёный, пахнувший глубиной. Где-то очень далеко, за гранью слуха, что-то тяжело и неторопливо шумело, как море внутри раковины.

Рука Вальтера оказалась в щели почти по локоть. Кожа на ней стремительно белела.

— Оно поднимается! — закричала Ниса, впервые за всё время повысив голос. — Что-то поднимается снизу!

Тень вырвалась из-за спины Харта так стремительно, что фонари вздрогнули. Она была огромной, гораздо больше, чем на лестнице; она метнулась к двери и раскинулась на ней всем телом, прижав ладони к камню, как человек, удерживающий створку от ветра. Одной рукой обхватила Вальтера поперёк груди и рванула назад. Тот отлетел на несколько метров и рухнул на пол, задыхаясь, с неестественно белой кистью.

Но щель не закрывалась. Голубой свет полз по потолку, по стенам, по лицам, и в его отблеске всё вокруг стало неживым и чужим.

Клайдис не двигался. Пальцы его всё ещё сжимали рукав Леона, и только теперь он заметил, что тот тоже стоит неподвижно, смотрит на свет и что-то беззвучно шепчет. Что именно, разобрать было нельзя.

— Стоять, — сказал Харт.

Он не кричал. Он сказал это негромко и ровно, но звук лёг на плечи, как тяжёлая ладонь. Пыль, взметнувшаяся в воздух, повисла и перестала падать. Тень замерла в движении, не закончив жеста. Даже далёкий шум на мгновение стих.

Клайдис повернулся. Мальчик с чернильным пятном на щеке стоял посреди зала, засунув руки в карманы. Но в его лице больше не было ничего детского. Оно стало спокойным, взрослым, усталым и очень старым; таким, какое бывает у людей, повидавших слишком много и слишком давно решивших не удивляться.

Он подошёл к двери, не торопясь, не глядя на свет. Положил маленькую ладонь на вырезанный круг.

— Достаточно, — тихо сказал он. — Спи.

Щель дрогнула и сомкнулась, как закрывается глаз. Голубой свет угас. Запах соли задержался ещё на несколько секунд и растворился. Стена снова стала просто стеной, гладкой и холодной.

Тень медленно поползла обратно, собираясь в человеческий силуэт. И на секунду, всего на одну секунду, две узкие световые щели, заменявшие ей лицо, повернулись к Клайдису и застыли на нём.

— Не смотри, — сказал Харт, не оборачиваясь.

Тень послушно отвела взгляд и втянулась в его собственную, обычную детскую тень.

Вальтер сидел на полу, баюкая руку. Пальцы были белыми и негнушимися, как у мертвеца. Харт присел рядом на корточки, взял эту руку в свои маленькие ладони и подул на неё с серьёзным видом, как дуют на разбитую коленку.

— Пройдёт, — сказал он. — Через день. Будет болеть, но пройдёт.

— Я... — начал Вальтер, и голос у него сорвался.

— Вы открыли дверь, — мягко сказал Харт. — Простите. Дальше вы не идёте.

Он поднялся, отряхнул колени и снова стал мальчишкой: плечи расслабились, в углах рта появилась ямочка.

— Так. Экзамен закончен. Остальные прошли.

— Что? — Ниса растерянно оглянулась. — Но мы же ничего не сделали!

— Вот именно, — с довольным видом кивнул Харт. — Это самое трудное. — Он взошёл на невысокий выступ у стены, чтобы оказаться на одном уровне с ними. — Слушайте. Если вы чего-то не знаете, это ещё не значит, что вы обязаны это узнать. Некоторые вещи стоят там, где стоят, не потому что их прячут. А потому что им там место. Дверь — это дверь. Её можно открыть. Можно, — повторил он, поймав возмущённый взгляд Сайрена. — Но «можно» и «нужно» — разные слова. Я их специально придумал разными.

— Ты их не придумал, — сказал Клайдис.

— Нет, — согласился Харт. — Но звучит красиво.

Он повернулся к Леону. Взгляд его задержался на нём чуть дольше, чем на остальных.

— А ты хотел.

— Хотел, — не стал отпираться Леон.

— Почему не открыл?

Леон опустил глаза на собственный рукав, за который всё ещё держался Клайдис. Клайдис разжал пальцы.

— Меня держали.

— Это неинтересно. Ты мог вырваться. Ты не вырвался.

— Наверное, — Леон почесал затылок, — потому что не был уверен, что хочу.

— Вот это честный ответ, — сказал Харт. Помолчал и добавил тише: — Смотри, чтобы и в следующий раз ты был так же неуверен.

Леон улыбнулся. Улыбка была обычной, но Клайдис подумал, что глаза остались чуть более настороженными, чем следовало бы.

Остальные потянулись к выходу. Ронд помог подняться Вальтеру; Сайрен, проходя мимо Клайдиса, коротко, почти незаметно кивнул. Бренн что-то бормотал про носки. Ниса шла последней, оглядываясь на дверь и прикрывая уши ладонями, будто боялась услышать ещё что-то.

Клайдис уже собрался последовать за ними, когда маленькая рука дёрнула его за рукав пальто.

Харт стоял рядом, задрал голову. Во взгляде его не было ни озорства, ни усталости: только вопрос.

— Ты ведь тоже это чувствуешь? — спросил он тихо.

Клайдис замер.

— Что именно?

Харт молчал. Он смотрел на дверь, потом на руку Клайдиса в перчатке, потом снова на него. Какое-то решение шло по его лицу, как облако по стене.

— Нет, — сказал он наконец. — Не сейчас. Может быть, никогда.

— Ты ребёнок.

— Мне двенадцать, — согласился Харт. — Пока.

Он отпустил рукав, одним движением вернул себе прежнюю озорную мину и заскакал вверх по ступенькам, засунув руки в карманы огромного пальто.

— Идёмте! Там ещё булочки!

Клайдис остался на месте на несколько секунд дольше, чем следовало. За спиной больше не пахло солью. Но ему казалось, что если он обернётся, то увидит вовсе не дверь, а длинную чёрную улицу, освещённую голубыми огнями.

Он не обернулся. Поднял воротник пальто и пошёл наверх, шаг за шагом, считая ступени.

Их было четыреста шесть.

Глава 7

Крыша

Крыша западной башни была единственным местом в АИД, где не висело ни одного амулета наблюдения. Клайдис выяснил это давно, ещё до всякой лицензии, и с тех пор возвращался сюда всякий раз, когда стены академии начинали давить на плечи.

К ней вёл слуховой люк на чердаке, узкий, скрипучий, с ржавой щеколдой, о которой, кажется, забыли все, кроме него. Наверху ветер сразу вцепился в полы пальто. Мокрая черепица отливала серебром, воздух пах солью, дымом печных труб и далёкой смолой доков. Внизу лежал Рейвенхолм: россыпь окон, фонари вдоль набережной, мачты в гавани, тонкие, как высохшая трава. А дальше, за последним огоньком маяка, начиналась чёрная вода, и она не отражала ничего.

Клайдис сел на конёк, упёршись подошвами в скат, и долго смотрел на неё. Восемь лет назад это море ушло, показало миру то, чего не должно было быть, и вернулось, будто ничего не случилось. Он тогда был не здесь. Он был далеко, слишком далеко, чтобы услышать слово, которое донеслось до берега. Иногда ему казалось, что это самая большая несправедливость из всех: все остальные слышали, а ему пришлось узнавать от других.

Мысль о том, чтобы вспомнить, пришла сама, как приходит боль от старой раны, когда меняется погода. Он не хотел. Но всё равно попробовал: закрыл глаза и потянулся к комнате, к лампе, к тёплой ладони на затылке.

Ладонь была. Лампа была. Была дверь с облупившейся зелёной краской, запах мокрой шерсти и тихий голос, произносивший его имя так, как ни один человек не произносил его с тех пор. Только лица у голоса не было. Там, где оно должно было быть, стояло светлое размытое пятно, гладкое, без единой черты, будто кто-то провёл по воспоминанию рукой и стёр всё лишнее. Клайдис давно списал это на годы. Годы вообще удобно объясняли многое.

Люк скрипнул.

— Так я и знал, — сказал Леон, вылезая на крышу с осторожностью человека, который прекрасно знает своё обращение с высотой. В каждой руке он держал по щербатой кружке. — Тебя нет ни в одной из двенадцати комнат, где тебя не должно быть, значит, ты в тринадцатой.

— Как ты сюда попал?

— По лестнице. Потом по другой лестнице. Потом по чему-то, что я принял за лестницу. — Он протянул кружку. — Чай.

Клайдис понюхал. Пахло носком.

— Это чай?

— Так сказала женщина на кухне. Она смотрела мне в глаза, когда говорила, значит, не врал.

Клайдис взял кружку. Сделал глоток. Чай оказался хуже, чем пах, и он всё равно допил его до половины, потому что был горячим. Тепло он почувствовал не сразу и не там, где следовало: не в пальцах под перчаткой, а где-то глубже, в запястье, будто кожа ладоней разучилась замечать разницу между кружкой и морозным воздухом много лет назад. Он давно решил, что дело в перчатках, которые он не снимал ни при каких обстоятельствах, и что это самое простое объяснение из всех возможных.

Леон устроился рядом на черепице, вытянув ноги. Некоторое время они сидели молча. Это было удивительно: Клайдис ждал, что тишина продержится секунд десять, но Леон молчал уже добрую минуту и смотрел на море так, как смотрят на дверь, за которой могут оказаться и гости, и палач.

— Ты хотел её открыть, — сказал Клайдис.

— Кого?

— Дверь. У Харта.

— А. — Леон повертел кружку. — Хотел.

— Почему?

— Не знаю. Хотелось убедиться, что там не пусто.

— А если бы оказалось, что пусто?

— Тогда бы я расстроился. А если бы не пусто, перепугался бы до смерти. — Он усмехнулся. — Любопытство вообще странная вещь. Всегда проигрывает. И всё равно каждый раз вылезает первым.

Клайдис ничего не ответил. Он думал о том, что на слове «убедиться» голос Леона стал на полтона ниже, чем на остальных, и что такие детали не выдумывают нарочно.

— Спасибо, — добавил Леон.

— За что?

— Ты меня держал.

— Я ничего не держал.

— Рукав.

— Он был рядом.

— Конечно.

Леон допил чай одним глотком, поморщился и поставил кружку на черепицу. Она немедленно поехала вниз. Он поймал её в последнюю секунду, наклонился слишком сильно, соскользнул и вместе с кружкой покатился к краю крыши. Клайдис успел схватить его за воротник пальто, не глядя. Уже в третий раз.

— Ты не благодари, — сказал он сквозь зубы.

— Не буду, — выдохнул Леон, свисая над пропастью. — Но ты держишь очень хорошо.

Клайдис втянул его обратно. Кружка улетела вниз и разбилась где-то в темноте с достойным звоном. Некоторое время оба смотрели туда, где она исчезла.

— Ладно, — сказал Леон. — Это была хорошая кружка.

— Она была щербатая.

— Всё равно.

Он устроился у самого конька, на этот раз крепко упёршись ногами, и заговорил уже другим голосом. Не тише, а ровнее, без привычной звонкости:

— Знаешь, что самое смешное? Я могу рассказать, как держать вилку на приёме у герцога. Сколько раз склониться перед дамой и на какой градус. В каком порядке подавать вино и почему никогда нельзя первым брать слово. Я это всё знаю, будто оно вшито. А вот что я ел на завтрак, когда мне было шесть...

Он замолчал, потом пожал плечами.

— Ничего. Вообще ничего. Странно, правда?

Клайдис сидел неподвижно.

— У всех так бывает.

— У всех. — Леон кивнул. — Но не так.

Он произнёс это спокойно, почти весело, и на секунду Клайдис ощутил то, чего давно не чувствовал: желание спросить. Не из любопытства, из узнавания. Он уже открыл рот, но в памяти всплыл голос дварфа с песком в бороде: «Некоторые вещи за супом не отдают». Он закрыл рот.

— Ты не спрашиваешь, — заметил Леон, не поворачивая головы.

— Ты тоже.

— Хороший принцип.

— Ты первый его нарушил.

— Я не нарушал. Я просто пожаловался на завтраки.

— Тогда я не слышал.

Леон рассмеялся, и в этом смехе на этот раз не было ничего, кроме облегчения.

Внизу, во дворе, ударил колокол. Один раз, потом ещё раз. Из окна под ними высунулся сотрудник с фонарём и зычно, не глядя, кто именно сидит на крыше, объявил на весь двор:

— Кандидаты, прошедшие третье испытание! Четвёртое состоится завтра в шесть утра!

Подвал под Картографической галереей! Экзаменатор: директор Келли!

Окно захлопнулось.

— Сама Келли, — протянул Леон. — Это хорошо или плохо?

— Она любит смотреть, — сказал Клайдис.

— Как?

— Молча.

Глава 8

Экзамен Келли

Клайдис пришёл на две минуты раньше и остановился у двери зала с выражением человека, которому всё равно.

Зал располагался под Картографической галереей, на глубине шести лестничных пролётов. Знали о его существовании немногие, а бывали здесь ещё меньше. Стены сложены из тёмного камня без единого украшения, потолок теряется в полумраке, а воздух неподвижный и холодный, как в склепе, которому лет пятьсот. Кандидаты собирались вдоль стен, тихо, по одному. Из двадцати семи, вышедших после Миры, к Харту дошли двадцать три. Сегодня оставалось девятнадцать.

В центре зала стоял стол. Клайдис сначала принял его за ещё одну платформу для карты, но, подойдя ближе, понял, что ошибся.

На каменной плите шагов в двадцать поперёк раскинулся город.

Не рисунок и не макет: настоящий, живой. Черепичные крыши цвета пожарной глины, узкие каналы с водой, по которым скользили лодки размером с ноготь, рыночная площадь, ратуша с квадратными часами на башне, колокольня и десятки улиц, петлявших между домами. И над всем этим шёл тихий, ровный гул, похожий на звук жужжащего улья. Клайдис наклонился и разобрал в нём слова. По площади бежали люди высотой в палец, и каждый что-то говорил.

Кто-то торговался за рыбу. Кто-то звал ребёнка домой. Женщина в чепце ругала булочника за перестоявшее тесто.

— Красиво, — выдохнула Ниса, подходя к столу. Её подпалённые уши мелко подрагивали. — И оно... поёт?

— Не поёт, — сказал Клайдис. — Живёт.

— Не подходите слишком близко, — раздался голос из-за колонны. — Они реагируют на дыхание.

Келли сидела на низком табурете в тени, скрестив ноги, с чашкой чая в руках. Тёмные волосы были заколоты карандашом, рукава рубашки закатаны до локтей, на левой манжете расплылось чернильное пятно. Она выглядела как человек, который не спал двое суток и превратил это в стиль жизни. Взгляд её прошёл по кандидатам и на секунду задержался на Клайдисе.

— Вы вовремя, кандидат.

— Постараюсь больше не повторять.

Уголок её рта дрогнул.

— Пожалуйста.

Она отставила чашку на пол и встала. Ростом Келли оказалась не выше плеча Клайдиса, но зал заполнился сразу, будто кто-то поднял занавес.

— Меня зовут Келли, — сказала она. — Я директор АИД и последний экзаменатор. То, что вы видите на столе, называется Береговой Рынок. Через час он исчезнет.

По залу пронёсся шёпот. Сайрен, стоявший у колонны, подался вперёд.

— Что значит «исчезнет»?

— То, что я сказала.

— Можно ли остановить?

— Можно попытаться. — Келли посмотрела на кандидатов почти ласково. — Вы вправе спасти его, если сумеете. Механизм, который за это отвечает, находится внутри. Больше я вам ничего не скажу. Приказов не будет. Правил тоже, кроме одного: не ломайте стол, он казённый.

— А вы? — спросил кто-то из глубины зала.

— Я вернусь через час.

Она вышла, не оглядываясь. Тяжёлая дверь закрылась с глухим стуком, и в зале воцарилась такая тишина, что стало слышно, как внизу, на площади, кто-то из крошечных людей зовёт кота.

Первым заговорил тот, кто всегда заговаривает первым.

— Значит, так, — сказал Сайрен, и на его лице появилось выражение человека, наконец получившего задачу. — Время ограничено. Нужен план. Предлагаю разделить: пять человек осматривают периметр, пять ищут механизм, остальные...

— Не надо командовать, — перебил Бренн, сунув руки в карманы кожаного фартука.

— Кто-то должен.

— Кто-то, кого никто не выбирал?

— А ты предлагаешь стоять и ждать, пока нам скажут?

— Я предлагаю подумать, прежде чем лезть в игрушечный город с сапогами.

Несколько человек уже приросли к стене и с таким лицом переглядывались, будто вот-вот в дверях появится клерк с инструкцией. Плечистый парень с обручем на лбу твёрдо сообщил соседу, что «должна быть какая-то бумага», и присел на пол ждать, когда она появится. Клайдис ничего не сказал и двинулся дальше.

Он обошёл стол по кругу, не приближаясь. Город жил своим порядком. На рынке торговали, у пристани разгружали бочки, по каналам скользили лодки. Ни паники, ни криков, ни единой сломанной линии. Все двигались так, будто ничего не происходило.

— Странно, — сказал он вслух.

— Что? — Ниса подошла и встала рядом.

— Никто не бежит.

Ниса прислушалась, повернув ухо к столу. Потом нахмурилась.

— Они не знают. Они говорят про обед и про какую-то свадьбу. Про исчезновение никто ни слова.

— Значит, Келли знает то, чего не знают они.

— Или то, что она сказала, — тихо произнёс Леон, — не совсем то, что она имела в виду.

Клайдис повернул голову. Леон стоял на цыпочках у самого края стола, положив подбородок на сложенные руки, и смотрел на город так, как смотрят на карточную колоду перед фокусом.

— Ты о чём?

— Она сказала «исчезнет», — медленно проговорил Леон. — Она не сказала, что они погибнут. Не сказала, что им будет больно. Не сказала даже, что это плохо. Просто «исчезнет». И мы все сразу решили, что это катастрофа.

— А это не катастрофа?

— Не знаю. Она не сказала.

Клайдис взглянул на Леона другими глазами. На секунду мелькнула мысль, знакомая по шпионской работе: самые опасные слова те, которые ничего не утверждают. Он повернулся к городу.

— Нужно поговорить с ними.

— Вот и я подумал, — просиял Леон.

Он опустился на колени и осторожно, двумя пальцами, будто боясь спугнуть птицу, поднёс палец к площади. Крошечная булочница в чепце, ругавшаяся с помощником, остановилась, запрокинула голову и заорала на него тонким, как игла, голосом:

— Ты кто такой?!

— Леон. Я в гостях. Можно спросить?

— Спрашивай, только быстро, у меня тесто!

— Что будет через час?

Булочница фыркнула.

— Обеденный звон, как всегда. Что ещё?

— А потом?

— Потом все ляжем спать. — Она пожала плечами, будто говорила о чём-то само собой разумеющемся. — Как каждый час. Проснёмся, будет новый день.

Леон посмотрел на Клайдиса. Клайдис молча кивнул: он тоже слышал. В зале несколько человек, столпившихся у колокольни, уже спорили с Сайреном. Голоса звучали всё громче.

— ...Некогда разговаривать! Механизм должен быть в башне, ратуша ближе всего!

— Тебя никто не просил!

— Я делаю то, что нужно!

Клайдис отошёл, чтобы не слушать. Он подошёл к ратуше и, осторожно наклонившись, заглянул в окно. Внутри, за квадратным циферблатом, ходил сложный механизм: шестерни размером с горошину, пружины, тонкие латунные рычаги. Часть корпуса была снята, и внутри блестело что-то большое, круглое, размером с ладонь: сердце, подумал он, хотя ничего живого в нём не было. Рядом, на медной пластине, виднелась гравировка:

ПЕРЕНОС. ОДИН РАЗ.

А под ней рукоять красного цвета, чуть толще спички.

— Нашёл, — тихо сказал Клайдис.

Сайрен появился рядом через три секунды.

— Это оно. Тянем.

— Нет.

— Мы теряем время.

— Мы не знаем, что делает рычаг.

— Знаем. Он спасает город. Здесь написано.

— Здесь написано «перенос». — Клайдис не повысил голоса. — Куда? В каком виде?

Что происходит с ними при переносе?

— Мы же должны что-то сделать!

— Мы делаем. Мы думаем.

Сайрен сжал челюсти. За его спиной несколько кандидатов уже кивали. Один, коренастый, шагнул вперёд:

— Двадцать минут осталось. Если это единственный вариант...

Клайдис уже открыл рот, чтобы сказать то же самое, что вертелось у него на языке с первой минуты: ровный нарастающий гул под ногами, спрятанный механизм, коробка с рычагом — всё это была форма заряда, а не спасения. За годы шпионской работы такой рисунок означал одно. Он почти шагнул к рычагу сам, чтобы вырвать его первым, пока не поздно.

— Это не единственный, — сказала Ниса.

Клайдис остановился на полушаге. Все обернулись к Нисе. Зверолюдка стояла у колокольни, прижав ладонь к камню плиты, и её уши стояли торчком.

— Оно пульсирует, — прошептала она. — Внизу, под городом. Ровно, как сердце. Только...

— Что «только»? — спросил Клайдис.

— Оно не убывает. — Ниса открыла глаза. — Если бы что-то кончалось, ритм бы замедлялся. А он нарастает. Как будто оно заводится.

— Как часы, — сказал Бренн и провёл ладонью по краю плиты. Камень под его пальцами едва заметно потеплел. — Часы, которые не разрушаются, а идут по кругу.

Клайдис молчал секунду, потом произнёс тихо, как ключ, наконец вставший в замок:

— «Как каждый час». Они не исчезают. Они засыпают. Город всегда так делает. А Келли просто сказала это так, чтобы мы подумали иначе.

Леон радостно хлопнул в ладоши, но тут же осёкся и снова стал серьёзным.

— Тогда рычаг...

— Останавливает что-то, что не нужно останавливать, — закончил Клайдис. Он ещё чувствовал, как близко только что был к тому, чтобы выдернуть рычаг своей рукой, и это ощущение нравилось ему меньше, чем сам провал. — Я едва не сделал это сам. Спасает от того, чего нет. И, возможно, делает хуже.

Сайрен молчал. Потом медленно разжал челюсти.

— Ты уверен?

— Нет. — Клайдис встретил его взгляд. — Я не знаю. Но я знаю, что тянуть его сейчас — самая глупая из всех возможных ошибок. Пока не понимаем, что делаем, лучше не делать ничего необратимого.

— А если ошибаемся?

— Тогда мы ошиблись, ничего не сломав.

За спиной раздался скрежет. Кто-то из кандидатов у дальнего края всё-таки не выдержал и рванул красный рычаг у второй башни. В зале повис короткий сухой щелчок. Город дрогнул. Все крошечные люди в радиусе двух улиц вдруг замерли на месте, как вкопанные. Булочница застыла с открытым ртом и поднятой рукой. Лодки на канале остановились, накренившись. Рыночная площадь превратилась в застывшую картину.

— Ой, — сказал тот, кто дёрнул.

Бренн тихо, отчётливо выругался.

— Они окаменели, — прошептала Ниса.

Клайдис посмотрел на неподвижную булочницу, на замершую руку с тестом. Внутри что-то неприятно сжалось: он знал, что это не настоящие люди, но его тело отказывалось верить.

— Значит, не спасение, — сказал он. — Консервация.

Остаток часа они провели молча. Клайдис, Леон, Ниса, Бренн и ещё двое пытались сделать хоть что-то полезное: перенести застывших жителей в ратушу, укрыть их от воды, закрыть каналы. Сайрен, побагровев, ходил вокруг стола и ничего не говорил. Те, кто ждал приказа, продолжали сидеть.

Когда на ратушной башне ударил колокол, город начал гаснуть.

Не разом. Сначала погасли окна. Потом фонари. Потом, один за другим, оставшиеся на площади крошечные люди легли на землю, где стояли, прямо на мостовую, кто-то в обнимку с ребёнком, кто-то на ступеньках. Гул стих. Крыши потемнели, каналы замерли, и на стол опустилась тихая, глубокая, совершенно живая тишина. Город спал.

Потом стол потемнел и стал обычной каменной плитой.

Клайдис выдохнул. Леон рядом сглотнул.

— Красиво, — тихо сказал он.

— Не нужно, — ответил Клайдис.

Тяжёлая дверь открылась. Келли вошла с чашкой чая в руке. Она посмотрела на пустой стол, на кандидатов, на замершего у второй башни парня, дёрнувшего рычаг, и ничуть не удивилась.

— Береговой Рынок, — сказала она, опускаясь на свой табурет, — не существует.

В зале не раздалось ни звука.

— Это расчётная модель. Сорок таких у нас в подвале, и каждая держится ровно час. Люди на столе, каналы, лодки, булочница, которая ругалась с помощником: всё это заклинание, и ничего больше. Никто не пострадал и не мог пострадать. — Она отпила чай. — Но то, что вы делали, было настоящим.

Кандидаты слушали, не шевелясь.

— В полевой работе вы будете получать задачи именно такого вида. «Через час всё исчезнет, спасайте». Без данных, без приказа, без ответа на вопрос «что значит исчезнет». Вы можете ждать, пока вам объяснят. Тогда вы опоздаете. Можете дёрнуть рычаг. Тогда вы, возможно,

сделаете то, что нельзя исправить. Или можете спросить у тех, кого хотите спасти, что им нужно, и решить сами.

Она обвела взглядом зал.

— Двенадцать человек ждали, что я вернусь с инструкцией. Трое пытались действовать по протоколу, которого не существовало. Один дёрнул рычаг, не спросив, что он делает. — Она чуть склонила голову в сторону парня у второй башни. — И шестеро поговорили с жителями, послушали механизм и решили, чего не делать. Первые двенадцать получают пометку «Требуется наставник» в лицензии. Остальные проходят.

— А те, кто дёрнул? — спросил Сайрен.

— Тоже проходят. — Келли посмотрела на него без улыбки. — Ошибка, признанная вовремя, ценнее бездействия.

Сайрен слегка покраснел и промолчал.

Келли поставила чашку на пол.

— Вы все получите лицензии. Завтра вечером в Зале карт вас соберут. Вам скажут то, что мы знаем о том, с чем вы столкнётесь. Не всё, — она подчеркнула это слово ровным голосом, — но достаточно, чтобы не погибнуть в первую же неделю.

Она встала и кивнула кандидатам на выход. Те потянулись к двери, тихо переговариваясь.

Клайдис задержался. Леон, проходя мимо, коснулся его плеча.

— Ты всё-таки бухгалтер, — сказал он тихо.

— Уйди.

— Иду.

Когда зал опустел, Келли подняла на Клайдиса тёмные глаза.

— Поздравляю, мой дорогой шпион. Твоё имя теперь в реестре.

— Ненавижу тебя.

— Взаимно. — Она допила чай и добавила чуть тише: — Но ты поговорил с булочницей. Хорошо.

Он ничего не ответил и вышел из зала. Уже в коридоре, идя по лестнице вверх, он вдруг поймал себя на том, что запомнил её слова. Не потому, что они ему польстили. Потому что впервые за долгое время кто-то сказал ему вслух то, что он сам знал и всегда боялся признать: думать иногда важнее, чем действовать.

Глава 9

Лицензия

Зал карт занимал весь третий этаж восточного крыла, и когда Клайдис вошёл, у него на секунду возникло странное чувство, будто он попал внутрь глобуса. Стены, изгибавшиеся куполом, были одной сплошной картой: материк в центре, острова вокруг него, голубая пустота там, где карта сдавалась и признавала, что ничего не знает. Кто-то заботливо подновил краски: острова горели жёлтым, зелёным, тревожным багровым, а несколько точек мигали ровным, медленным светом, будто дышали.

Девятнадцать кандидатов расселись на длинных скамьях амфитеатром, лицом к возвышению в центре. На возвышении стояли четыре кресла, и три из них уже были заняты.

Неро сидел прямо, положив руки на колени, в свежей рубашке без единой царапины: заживало на нём быстро, но не настолько, насколько на Клайдисе. Мира Эстель, невысокая, темноволосая, в простом сером плаще, листала папку и не поднимала головы. Харт свесил ноги с кресла, слишком большого для него, и деловито жевал очередную булку, уже вторую за вечер.

Четвёртое кресло пустовало.

Леон опустился на скамью рядом с Клайдисом и присвистнул, оглядывая купол.

— Это они специально так собрали карту, чтобы мы прочувствовали, как мало знаем?

— Вероятно.

— Работает.

Дверь позади возвышения открылась, и вошла Келли: без чашки чая, зато с толстой папкой под мышкой. Она заняла последнее кресло, положила папку на колени и обвела зал взглядом, каким смотрят на детей перед долгой дорогой: и тепло, и с сожалением, что дороги не миновать.

— Поздравляю, — сказала она. — Вы больше не кандидаты. Вы полевые агенты Академии Исследования Дейдры.

По залу прошёл сдержанный гул. Кто-то выдохнул, кто-то тихо хлопнул соседа по плечу. Бренн с достоинством скрестил руки на груди, будто уже родился агентом. Вальтер, всё ещё с забинтованной ладонью, попытался выглядеть так, словно белая рука входит в его повседневный образ.

— Вместе с лицензией, — продолжила Келли, — вы получаете право на вылазки, доступ к архивам первого уровня и жалованье, которое вас не обрадует. — Она сделала паузу. — А ещё вы получаете право знать то, что раньше знали только мы. Не всё. Но достаточно, чтобы не погибнуть от собственного невежества в первую неделю.

Она кивнула Неро. Тот поднялся.

— Начну с простого, — сказал он. — Восемь лет назад море отступило на три минуты сорок две секунды и показало город, которого не должно быть. С тех пор острова появляются и пропадают по всему миру. Некоторые держатся годами. Некоторые тают за одну ночь.

Карта на стене отозвалась: несколько точек ярко вспыхнули и одна погасла совсем.

— Мы делим их на три вида, — Неро поднял три пальца. — Обычные. Там, где действуют законы природы: земля, руда, звери. Опасно, но понятно. Редкие. Там, где законы природы слегка сбились с курса: время течёт неровно, гравитация капризничает, растения помнят вчерашний день. И легендарные.

Он опустил два пальца, оставив один.

— О легендарных мы знаем меньше, чем хотели бы признать. Слухи, обломки, единичные находки. Одно можно сказать точно: каждый, кто находил на легендарном острове что-то стоящее, платил за это. Не деньгами.

— Способностями, — тихо сказал кто-то на скамье позади. — Как алтари.

— Именно, — Неро кивнул. — Некоторые острова дают силу через алтарь, если у тебя хватает... желания подойти достаточно близко. Цена всегда разная и всегда справедливая в каком-то смысле: она забирает то, без чего вы, по мнению острова, сможете обойтись. Кто-то теряет нюх. Кто-то слух к музыке. Ваши экзаменаторы, — он развёл руками, — не исключение. Спрашивать, что забрали у другого, считается дурным тоном. Мы не спрашиваем. Иногда узнаём случайно.

Леон рядом с Клайдисом заметно напрягся, но тут же расслабился и принял вид вежливого интереса. Клайдис отметил и то, и другое.

— Что происходит с теми, кто не платит цену сразу? — спросил Сайрен со своей скамьи.

— Ничего интересного, — вступила Мира, не поднимая головы от папки. — Способность просто не проявляется. Остров забирает цену в момент, когда даёт силу, а не потом. Долгов не бывает. — Она наконец подняла глаза, тёмные и внимательные. — Чего бывает много, это самообмана. Люди убеждают себя, что заплатили меньше, чем на самом деле. Не делайте так. Считайте потери честно, иначе однажды не заметите, чего у вас уже нет.

В зале стало тихо. Харт, до этого сосредоточенно доедавший булку, отряхнул крошки с колен и заговорил, не вставая, ровным детским голосом, в котором на этот раз не было ни капли озорства:

— Есть острова, куда лучше вообще не заходить. Не потому, что там сильные звери. Потому, что там теряют не запах и не слух.

— А что? — спросил кто-то.

— Себя, — сказал Харт просто. — Не всё, что кажется дверью, стоит открывать. И не всё, что зовёт вас по имени голосом родного человека, действительно он.

Он произнёс это спокойно, глядя не на зал, а на дальний, самый тёмный участок карты, туда, где не было ни одной подписанной точки. Клайдис вспомнил тень на лестнице у него в подземелье и голос, звавший Ронда голосом брата. Кажется, не только он это вспомнил: Ронд, сидевший в третьем ряду, сгорбился и уставился в пол.

Мира захлопнула папку.

— Отдельно, — сказала она, — про то, что ищет вас само. Раз в несколько лет у кого-то из агентов появляется предмет, знак или существо, которые почему-то интересуются им лично. Компас, который всегда показывает на одного человека. Метка, проступающая там, где её не было. Голос во сне, называющий имя, которое вы никому не говорили. — Она посмотрела прямо на Клайдиса, и он выдержал взгляд, ничем не выдав, что попал в точку. — Если такое случится, доложите. Не потому, что мы заберём находку. Потому что за такими вещами, как правило, тянется история, которая не начинается с вас, а объяснить её без документов АИД вы вряд ли сможете сами.

Она отвела взгляд первой, но Клайдис успел заметить, что запомнила она это твёрдо, а не мимоходом.

— И последнее, — Неро снова взял слово, — самое важное. Восемь лет назад, когда город ушёл под воду, все, кто был на берегу, услышали одно слово. «Возвращение». Мы не знаем, что оно означает. У нас есть три версии, каждая хуже предыдущей, и ни одна не подтверждена. Мы работаем над этим дольше, чем существует ваша лицензия. Когда узнаем что-то стоящее, вы услышите первыми. Пока нет.

— А врата? — спросил Вальтер. — Те, что видели тогда в городе. Про них хоть что-то известно?

Неро и Мира на секунду переглянулись, слишком быстро, чтобы это было случайностью. Харт замолчал и принялся с преувеличенным вниманием разглядывать пустой бумажный пакет от булки.

— Известно, что они были, — сказала Келли, поднимаясь с кресла и забирая инициативу у всех троих одним движением. — Об остальном поговорим, когда придёт время. А пока:

поздравляю с лицензией, агенты. И советую как следует выспаться. Работа не станет ждать, пока вы будете к ней готовы.

Она хлопнула папкой, давая понять, что урок окончен, но не сдвинулась с места, ожидая, пока зал опустеет.

Клайдис выходил одним из последних. У самого выхода он обернулся: карта на стене продолжала тихо дышать светом, острова вспыхивали и гасли своим чередом, а голубая пустота вдалеке оставалась такой же пустой, как час назад. Только теперь, приглядевшись, он заметил в самом её центре, там, где раньше не было ни одной отметки, слабую, едва заметную искру. Она то появлялась, то пропадала, будто карта сама не была уверена, стоит ли о ней рассказывать.

— Видишь? — тихо спросил Леон рядом.

— Что?

— Вон там. — Он кивнул на искру, не поднимая руки, чтобы не привлекать внимания.

— Мне почему-то кажется, что я знаю это место.

Клайдис повернулся к нему.

— Откуда?

Леон помолчал, глядя на мигающую точку с тем же выражением, какое было у него в галерее перед пустым куском карты: любопытство, за которым прячется что-то куда более острое.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Просто кажется.

Он улыбнулся обычной своей улыбкой и первым пошёл к двери, засунув руки в карманы. Клайдис ещё секунду смотрел на искру в центре пустоты, потом перевёл взгляд на удаляющуюся спину Леона: пальто с золотистой каймой, лёгкая, уверенная походка человека, воспитанного для больших залов и знать не знающего, что делал вчера в шесть лет.

Он не стал спрашивать. Пока.

Он просто запомнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.